НОВЫЙ ИСТОЧНИК ДЛЯ БИОГРАФИИ ЛЕРМОНТОВА

НЕИЗВЕСТНАЯ РУКОПИСЬ А.В. ДРУЖИНИНА

Статья и публикация Эммы Герштейн

1

В собрании бумаг А. В. Дружинина хранится рукопись его незаконченной репензии: «Сочинения Лермонтова. Издание С. С. Дудышкина. СПб., 1860 года» ¹. В ней содержатся ценные сведения о жизни и гибели великого поэта.

Статья эта имеет свою историю. Она написана весной или летом 1860 г. после выхода из печати первого тома дудышкинского издания (пенз. разр. 6 марта). Здесь вместо традиционного биографического очерка об авторе сочинений была помещена вводная статья редактора о русском байронизме. Это взволновало Дружинина. В анонимной заметке, напечатанной в сентябрьской книжке «Библиотеки для чтения», критик писал: «Мы очень хорошо знаем, что для подробного жизнеописания еще не пришло время,— но краткий очерк жизни Лермонтова уже возможен, а по журналам нашим рабросано некоторое количество воспоминаний и заметок о Лермонтове, имеющих значение и хотя отчасти знакомящих нас с оригинальною, причудливою, загадочною и всетаки крайне симпатичною личностью человека, в котором как было сказано когда-то "может быть, Россия лишилась своего Байрона"» 2.

Дружинин обещал читателям после выхода второго тома «представить полную и подробную рецензию» на все издание. Вскоре второй том поступил в продажу (ценз. разр. 29 ноября), но среди многочисленных печатных откликов на новое собрание сочинений Лермонтова рецензии Дружинина мы не находим.

Теперь черновая рукопись обещанной статьи перед нами. Дружинии вставил в нее биографический очерк о поэте. Но так как Дудышкин поместил во втором томе своего издания «Материалы для биографии и литературной оценки Лермонтова», начатую статью надо было переделать. Между тем, Дружинии как раз в это время рассорился с «Библиотекой для чтения» и стал сотрудничать в «Русском вестнике». Вероятно, он намеревался переработать свою статью для этого журнала. Однако для предварительной оценки он послал ее не в редакцию, а одному из новых сотрудников «Русского вестника», начавшего печатать там в 1861 г. основательный исторический обзор английской журналистики. На обложке рукописи, которой мы теперь располагаем, написано карандашом: «Александру Васильевичу Дружинину от Л. Ф. де Роберти». Выбор автора своим судьей знатока английской литературы можно объяснить тем, что добрая половина рецензии Дружинина посвящена Байрону. Но надо при этом помнить, что Леонид Федорович де Роберти был одним из активных членов русской колонии в Гейдельберге и только что вернулся в Россию 3.

После того, как де Роберти вернул рукопись Дружинину, автор перестал над ней работать. Рецензия осталась незаконченной. И тому были важные причины.

Проблема биографии Лермонтова волновала передовых русских людей с самого дня гибели поэта в 1841 г. Еще когда Белинский вставил в редензию на второе издание «Героя нашего времени» замаскированный некролог его автору, он старался передать

свои впечатления о личных встречах с поэтом. В 1845 г. редакция передового популярного издания для юношества призывала современников «собрать хотя некоторые сведения для будущей биографии Лермонтова (...) которые до сах пор еще никем не были печатно собраны» ⁴. Но попытка самой «Библиотеки для воспитания» дать элементарную биографическую справку о поэте потерпела неудачу. «Перед стихотворениями Лермонтова,— значится в редакционной заметке,— следовал краткий очерк его жизни; но в ожидании более полных сведений, которые в скором времени должны быть доставлены, редакция отложила его до следующей книжки». Однако ни в одном из выпусков «Библиотеки для воспитания» очерк жизни поэта так и не появился. И когда через четырнадцать лет, в 1859 г. Вл. Стоюнин выпустил сборник «Русская лирическая поэзин для девиц», он вынужден был повторить слова своих предшественников: «Лермонтов умер в 1841 году, не имея и тридцати лет от роду. Биография его до сих пор никем не написана, а потому и обстоятельства его жизни нам очень мало известны» ⁵.

Избранные стихотворения Лермонтова и отрывки из «Героя нашего времени» помещались в хрестоматиях с самого начала 1840-х годов, сочинения его все время переиздавались. В любом учебнике русской словесности Лермонтову уделялось значительное место. Поэма «Демон» «обошла всю Россию в неисчислимом множестве списков» и была «известна всем от мала до велика наизусть» 6. Вся русская литература сороковых и пятидесятых годов прошла под знаком Лермонтова так же, как Пушкина и Гоголя, стихи Лермонтова разошлись уже на пародии,— а никто не мог еще указать, в каком году поэт родился!

За все время царствования Николая I в русской печати появилось только несколько скупых упоминаний о личности Лермонтова. В 1853 г. в газете «Кавказ» были приведены пустые россказни неизвестного казначея одного из четырех полков, где служил Лермонтов 7. Эта заметка была тотчас перепечатана в «Московских ведомостях» 8 и в том же году использована в «Справочном энциклопедическом словаре» Русский читатель должен был довольствоваться пошлым сравнением внешности Лермонтова с портретом Печорина и отголосками ходячих анекдотов о поэте. Другими материалами редактор «Энциклопедического словаря» А. Старчевский не располагал.

Для того, чтобы сказать что-либо о жизни Лермонтова, русским литераторам приходилось прибегать к уловкам. Так, в журнале «Пантеон», в том же 1853 г., в отделе «Петербургский вестник», корреспондент сделал, как он выразился, «арабский скачок» с Невского проспекта к «прелестям мирного деревенского быта» в Пензенской губернии. Он привел письмо своего приятеля, помещика тех мест, который описывал могилу «автора лучшего романа русского и многих превосходных стихотворений».Степной житель, так верно оценивший прозу Лермонтова, писал петербургскому хроникёру: «Село Тарханы в последние годы приобрело известность, и часто бывает убрана свежими цветами гробница поэта (...) Грустно на безвременной его могиле, но отрадно внимание, которое оказывают его памяти и высокому дарованию... даже безграмотные крестьяне смутно понимают, что их барин был чем-то, писал что-то хорошее...» 10 Далее он привел несколько, правда, очень неточных сведений о рождении и детстве Лермонтова. Но кому пришло бы в голову искать данные о покойном писателе, запрятанные в многословный фельетон петербургского журналиста? «У нас нет не только биографии, но даже какого-нибудь известия о жизни Лермонтова, а между тем 15 июля будет пятнадцать лет, как он умер!» 11— восклицал рецензент «С.-Петербургских ведомостей» в 1856 г.

Однако среди литераторов пятидесятых годов был один, который очень осторожно намекал в печати, что ему хорошо известны подробности последнего года жизни Лермонтова на Кавказе, а следовательно, и его гибели. Литератор этот был не кто иной, как Александр Васильевич Дружинин. Еще в 1852 г., в январской книжке «Библиотеки для чтения», он так же незаметно, как фельетонист «Пантеона», вставил в свое очередное (XXV) «Письмо иногороднего подписчика о русской журналистике» замечательно интересный психологический портрет Лермонтова.

«Во время моей последней поездки,— писал он,— я познакомился с одним человеком, который коротко знал и любил покойного Лермонтова, странствовал и сражался вместе с ним, следил за всеми событиями его жизни и хранит о нем самое поэтическое,

нежное воспоминание. Характер знаменитого нашего поэта хорошо известен, но немногие из русских читателей знают, что Лермонтов, при всей своей раздражительности и резкости, был истинно предан малому числу своих друзей, а в обращении с ними был полон женской деликатности и юношеской горячности. Оттого-то до сих пор в отдаленных краях России вы еще встретите людей, которые говорят о нем со слезами на глазах и хранят вещи, ему принадлежавшие, более чем драгоденность. С одням из таких людей меня свела судьба на короткое время, и я провел много приятных часов, слушая подробности о жизни, делах и понятиях человека, о котором я имел во многих отношениях самое превратное понятие» 12.

Неизвестный друг и сослуживец великого поэта повстречался Друживину в Пятигорске, в тех самых местах, где ровно за десять лет до того раздался выстрел Мартынова. «Преданность моего знакомца памяти Лермонтова была беспредельна», — говорит Дружинин. Критик рассказывает далее, что его приятель, сохранявший в 1851 г. «всю молодость духа и всю гибкость воображения», «долго жил на Кавказе и понимал произведения Лермонтова так, как немногие их понимают: он мог рассказать происхождение почти каждого из стихотворений, событие, подавшее к нему повод, расположение духа, с которым автор "Пророка" брался за перо...»

Если неназванный друг Лермонтова мог говорить о событиях, которые, по его мнению, повлияли на создание предсмертных стихотворений поэта, то он мог расскавать Дружинину и о последнем трагическом событии: о том, при каких обстоятельствах Лермонтов был убит. Но в дореформенной печати нельзя было писать не только о подробностях дуэли поэта с Мартыновым, но и о самом факте дуэли. Естественно, что на заметку Дружинина не последовало никаких откликов. Даже в полемической статье, напечатанной в «Москвитянине» по поводу XXV «Письма иногороднего подписчика», имя Лермонтова не было упомянуто ¹³.

Между тем кавказская встреча произвела на Дружинина сильнейшее впечатление. В своем неизданном дневнике он снова и снова возвращается к этому эпизоду. В отдельной заметке, где для памяти отмечены «светлые дни» его жизни, Дружинин упоминает «Вид кавказских гор с Елисаветинской галереи», «дом на Пятигорском бульваре» 14. А в подневных записях раскрывается, что воспоминание, оставшееся у него от посещения Пятигорска, связаво было с «обожаемой памятью» Лермонтова 15. «Владей я легким стихом, у меня вышло бы несколько стихотворений,— записывает он 30 июня 1853 г. — Планы некоторых были такие. Пятигорск и воспоминания о Лермонтове, горная дорога между Ессентуками и Кисловодском (...)» 16. Через неделю он возвращается к той же теме: «А я думал обдумать простенькую повесть о Нардзане. Неужели же этот лунный свет (...) и снеговые горы, и ночи в парке, и Нардзан, и Лермонтов (...) и вся обстановка моя два года тому назад не сложатся, наконец, во что-нибудь стройное?» На следующий день он сокрушенно признается в своем бессилии: «Начал легенду о Нардзане (увы, в который раз), и уже на первом листе отклонился от простоты». Повесть, однако, была закончена Дружининым и напечатана в некрасовском «Современнике» в 1854 г. под названием «Легенда о Кислых водах». О Лермонтове там не было ни слова.

Историки литературы единодушно отводят этой повести одно из скромных мест в творчестве автора «Полиньки Сакс». Но первые страницы «Легенды» остались ненапечатанными. А в этом неизданном «Вступлении» Дружинии снова упоминает о свидании с другом поэта, описывая свою ночную поездку из Пятигорска в Кисловодск. На «Кислых водах» он бродит возле дома дворянского собрания, знакомого нам по «Герою нашего времени»; здесь опять открыта «ресторация» Найтаки, у которого служит «самый смышленый из его буфетчиков, старожил Кавказского края, видавший на своем веку много интересного и не раз подававший форелей "покойному Михаилу Юрьевичу"». Автор охвачен особенным настроением: им владеет «только одно воспоминание, одно стремление и один порыв душевный к человеку давно умершему, никогда им не виданному...» «Я не мог думать ни о чем и ни о ком, — пишет рассказчик, — кроме Лермонтова, к которому еще за день не чувствовал, казалось, ничего, кроме заслуженного уважения по поводу его литературных достоинств (...) Образ Лермонтова, в тот еще день виденный мною на портрете, срисованном

с усопшего и хранившемся как святыня у одного из его ближайших товарищей, возникал передо мною с ясностью почти фантастической. Я видел, ясно видел у грота, прославленного гением Лермонтова,— это загорелое и бледное лидо с отпечатком предсмертного страдания и какой-то таинственной неразгаданной мысли...».

Дружинин подчеркивает, что именно встреча с другом Лермонтова вызвала у него особенный порыв отчаяния из-за гибели поэта. С редкой для него экзальтацией Дружинин пишет: «Зачем люди, его окружавшие, — думал я с ребяческим ожесточением, — не ценили и не лелеяли поэта, не сознавали его величия, не становились грудью между ним и горем, между ним и опасностью! Умереть за великого поэта, не лучше ли, чем жить целое столетие?..» ¹⁷.

Дружинии описывает первый день, вернее первую ночь, своего пребывания в Кисловодске в 1851 г. В последующие дни (мы знаем об этом по его напечатанной переписке) он стал бывать в доме, где «собярались разные кавказские герои» ¹⁸. Не от них ли он слышал новые рассказы о Лермонтове, упомянутые им мимоходом в другом «Письме иногороднего подписчика», в 1854 г.? В этом фельетоне критик утверждал, что память о Лермонтове «до того свежа на Кавказе, что сотни сведений о его жизни придут к биографу сами, по первому востребованию» ¹⁹.

Есть основания думать, что Дружинин умышленно встретился с двоюродным дядей Лермонтова, у которого поэт жил несколько дней в Пятигорске в последний приезд на воды. По крайней мере, в лаконичных заметках Дружинина записана фамилия этого родственника Лермонтова: «Хастатов» 20. В заметке, озаглавленной «Места», Дружинин записывает: «Имение Вадковского... дом Хлюпина...» Эти фамилии тоже имеют отношение к Лермонтову. Один из Вадковских — Иван Яковлевич — учился вместе с Лермонтовым в университетском пансионе, а командиром Тенгинского пехотного полка в то время, когда там служил Лермонтов, был полковник С. И. Хлюпин (правда, в 1851 г. его уже не было в живых). Что касается записи «Участь книг в Пятигорске», стоящей непосредственно перед пометой «Хастатов», то она наводит на мысль, что речь идет о книгах Лермонтова, оставшихся после его смерти. Не надо забывать, что ценнейший альбом поэта, подаренный ему В. Ф. Одоевским и заполненный последними стихами Лермонтова, был возвращен в Петербург в 1843 г. именно Якимом Якимовичем Хастатовым.

Видимо, после пятигорской встречи Дружинин решил серьезно заняться подготовкой жизнеописания великого поэта. «Всякий из литераторов поставил бы себе в честь составить более или менее полную биографию Лермонтова»,— писал он в анонимной рецензии на третье смирдинское издание сочинений писателя в 1852 г.²¹

•)

Казалось бы, весь круг интересов критика способствовал осуществлению этого намерения. В своих статьях он постоянно восхищался разработанностью биографического жанра у англичан; призывал русскую публику хранить и собирать материалы об отечественных литераторах, мечтал о том времени, когда «по поводу самого второстепенного писателя у нас будет писаться по десятку биографий и монографий» ²². Он и сам написал биографический очерк малоизвестного писателя А. П. Степанова — отда популярного карикатуриста. Перу Дружинина принадлежат несколько компиляций из биографических трудов английских исторических писателей о знаменитых европейских государственных деятелях. А воспоминания Дружинина о П. А. Федотове до сих пор считаются исследователями русского искусства одним из самых значительных и достоверных источников для биографии художника. Но скрытая работа Дружинина по собиранию материалов для подготовки жизнеописания Лермонтова не находила себе никакого применения.

Не выступил критик с рассказами о любимом поэте и тогда, когда после окончания Крымской войны в русских журналах стали мелькать кое-какие воспоминания о Лермонтове. Это были чрезвычайно скудные материалы, и Дружинин мог назвать их «имеющими значение» только после молчания, окружавшего личность Лермонтова во время дарствования Николая І. Убожество их особенно бросалось в глаза после того, как в 1855—1856 гг. вышли из печати два капитальных труда, справедливо оцененные критикой как литературное событие: «Материалы для биографии А. С. Пушкина» П. В. Анненкова и книга П. А. Кулиша «Записки о жизни Н. В. Гоголя, составленные из воспоминаний его друзей и знакомых и из его собственных писем». Стала очевидной необходимость подготовки серьезной биографии Лермонтова, хотя речь пока могла идти только о предварительном собирании материалов. Обладая достоверными сведениями о Лермонтове, Дружинин, несомненно, мог бы внести большой вклад в правильную разработку его биографии. Но споры о «пушкинском» и «гоголевском» направлениях в русской литературе разгорелись, как известно, именно вокруг книги Анненкова о Пушкине. Дружинину, яростно защищавшему позиции «эстетической критики», было не в пору выступать со своими сообщениями о Лермонтове: как видно из публикуемой рецензии, его толкование творчества и особенно биографии поэта не укладывалось в рамки провозглашенной «эстетами» теории «чистого искусства».

В полемику об истоках лермонтовского байронизма, завязавшуюся в русских журналах в конце 1850-х годов, Дружинин тоже не вмещался, хотя он был признанным. знатоком английской литературы. Но когда Дудышкин в предисловии к первому тому сочинений Лермонтова заговорил о том, что образы «Печориных, Арбениных, Демонов» обязаны своим рождением только «отвлеченному идеалу» поэзии Байрона, Дружинин был, наконец, задет за живое. Обнаруженная рецензия, конечно, является выпавшим звеном из этой дискуссии. Содержание статьи Дружинина резко отличается от большинства критических выступлений по этому вопросу. В своем толковании творчества Байрона критик отвлекается от изучения влияния произведений английского поэта на развитие западноевропейской и русской литературы и пытается восстановить авторский замысел, рассматривая творчество Байрона в органической связи с его биографией. В этом он отходит от установившейся историко-питературной традиции, основанной на изучении байронизма, а не исторической личности Байрона. Поэтому спор об истинном пафосе его творчества — заключался ли он в «поэзии власти», как утверждал Дружинин, или в «поэзии разочарования», как его восприняло несколько поколений последователей,— был уже запоздалым. И если критик его затеял, то, думается, только для того, чтобы яснее провести аналогию между личными политическими судьбами Лермонтова и Байрона. Ярко выраженное сочувствие демократическим идеалам Байрона, восхваление политической деятельности поэта, боровшегося за свободу Греции, сравнение Байрона с Гарибальди — совершенно неожиданны в статье критика, известного своим общественным индифферентизмом. В этом отношении новонайденная статья послужит ценным материалом для изучения эволюции общественно-политических и эстетических взглядов Дружинина. Нас находка этой ненапечатанной рецензии интересует сейчас с точки зрения новых данных для биографии Лермонтова.

Если восстановить зачеркнутые места в характеристике Лермонтова, мы увидим, что, говоря о Байроне, Дружинин иносказательно говорит и о русском поэте. «Корень этого основного и постоянного элемента байронических песен, - пишет Дружинин, заключался в энергичной натуре певца, предназначенной властвовать над людьми и только в последние годы его жизни отыскавшей свое прямое предназначение. До сближения Байрона с итальянскими патриотами жажда власти жила в нем как сила без применения, кидавшаяся во все стороны, по временам попадавшая на прямую дорогу (речь о страданиях работников в Палате лордов), но сбиваемая с нее неудачами, несвоевременностью попыток и событиями бурной жизни». Сопоставим эту характеристику политического властолюбия Байрона с тем, что пишет Дружинин о властолюбии Лермонтова, и мы убедимся, что автор и в нем видел потенциального политического деятеля. «...По натуре своей [предназначенный властвовать над людьми]* горделивый, сосредогоченный, и сверх того, кроме гения, отличавшийся силой характера, наш поэт был честолюбив и [горд] скрытен. Эти качества с годами нашли бы себе применение и выяснились бы в нечто стройно-определенное...» Видимо, Дружинин, много раз подчеркивающий в своей статье, что последний год жизни Лермонтова на Кавказе известен ему с достаточной полнотой, намекает на какую-то политическую тенденцию

^{*} В прямые скобки заключены слова, зачеркнутые Дружининым.

в поведении поэта. Основанием для уверенных заключений Дружинина служили рассказы кавказских офицеров. О том же, только в других выражениях, говорил и П. К. Мартьянов, писавший о поэте со слов В. И. Чиляева (у которого Лермонтов снимал дом в свой последний приезд в Пятигорск): «Это был сильный, эгоистический и властолюбивый характер, имевший одну цель — пробить себе во что бы то ни стало дорогу в высшие сферы влияния и дела, чтобы современем властвовать над толпою...» 28. Отбросив туманную фразеологию Мартьянова, уже модернизованную влияниями народнической публицистики восьмидесятых — девяностых годов, мы не можем пройти мимо этих согласных указаний свидетелей кавказской военной жизни Лермонтова на какие-то его политические планы. Зная по другим источникам о близости поэта к военному командованию, о свидании его в Москве с Ермоловым по поручению П. Х. Граббе 24, наконец, о присутствии на Кавказе в этот период многих членов «кружка шестнадпати» 25, мы должны придти к выводу, что военно-политическая деятельность Лермонтова на Кавказе должна привлечь самое пристальное внимание исследователей. И новым толчком для разработки этой темы послужит обнаруженная рецензия Дружинина.

Значение нашей находки этим далеко не исчерпывается.

Печатая дружининскую статью почти через сто лет после того, как она была написана, мы должны горько пожалеть о том, что она не увидела света своевременно. По тону, по знакомству с подлинными фактами жизни Лермонтова эта статья резко противостоит потоку развязных, поверхностных или пристрастных воспоминаний о погибшем поэте, которые все чаще стали появляться в русских журналах после выхода дудышкинского издания.

Не подозревая, что он опровергает целое направление в будущей биографической литературе о Лермонтове, Дружинин пишет: «...соприкасаясь со всем кругом столичного и провинциального общества, Лермонтов имел множество знакомых». Этим снимается примитивное представление об одиночестве поэта, которое так культивировалось в дореволюционном литературоведении. Не зная, что одним из главных доводов защиты «мартыновцев» будет ссылка на то, что пятигорскому обществу трудно было угадать в Лермонтове великого поэта, Дружинин выбивает у них из рук этот козырь, упоминая об огромной прижизненной популярности Лермонтова («имея на всем Кавказе славу льва-писателя...»).

«Как гласят никому уже не секретные литературные предания, в фигуре Леонина ⟨граф Соллогуб⟩ довольно ловко выставил комическую сторону великосветских стремлений поэта»,— писал Аполлон Григорьев в 1862 г. и находил в этой темной истории подтверждение своей концепции об «обиженных» героях произведений Лермонтова 26, Представитель «органической» критики не мог бы делать такие далеко идущие выводы, если бы он прочел статью Дружинина, где автор дает трезвый анализ социальной структуры петербургского великосветского общества. Принадлежа к дворянской чиновничьей семье, сам служивший некогда в одном из гвардейских полков, Друживин намекает, что офицеры гвардии представляли «какой-то промежуточный слой между кругом высшим и кругом средним». Между тем, в повести «Большой свет» Соллогуб поместил Леонина-Лермонтова на самой низшей ступени иерархической лестницы дворянского столичного общества, приписывая своему герою недостойные стремления проникнуть в высший круг. Не разбираясь в этих тонкостях кастового расслоения общества тридцатых годов, Аполлон Григорьев и некоторая часть демократической интеллигенции шестидесятых годов приняли на веру клеветнические намеки Соллогуба. На самом деле, по роду своей службы в гвардии Лермонтов близко соприкасался с так называемым «большим светом», имея там свои обязанности, а его литературная славасделала его желанным посетителем гостиных петербургской знати, падкой на моду.

Как известно, опубликование повести «Большой свет» связывалось позднейшими биографами Лермонтова со столкновением поэта на новогоднем маскараде с царскими дочерьми, со стихами Лермонтова, разоблачающими лицемерие великосветского общества, демонстративно подписанными им «1 января», и с последующим арестом Лермонтова за дуэль с Барантом. Очевидно, Дружинин тоже знал об этом, что видно из егоупоминания о стихотворении «1 января». Трудно сказать, ошибся ли Дружинин

утверждая, что оно было «задумано на бале, а дописано в невольном уединении» (курсив наш. — Э. Г.), или он сообщает еще неизвестный литературоведам факт ареста Лермонтова (может быть, он был посажен на гауптвахту), за «дерзкое» поведение на новогоднем балу. Не исключено, что Дружинин имел в виду арест Лермонтова за дуэль с Барантом, так как об этом событии в 1860 г. в печати еще ничего не было сказано. Возможно, что Дружинин не заметил, что стихотворение «1 января» было уже напечатано в первой книжке «Отечественных записок» 1840 г., и причислил его к тем произведениям, которые Лермонтов написал весной в ордонансгаузе. Во всяком случае, сближение этих двух событий закономерно и указывает на глубокую осведомленность Дружинина в подспудных причинах высылки Лермонтова на Кавказ в 1840 г.

Как и следовало ожидать, статья Дружинина дает ответ и на центральный вопрос нашей публикации: какого рода сведения о гибели Лермонтова так взволновали его в Пятигорске в 1851 г.?

Прямо поведать об этом читателям Дружинин не мог: подробности эти были таковы, что в 1860 г. о них так же нельзя было говорить, как и при жизни Николая І. Вот почему Дружинин не напечатал своего вступления к «Легенде», где он упоминал о пятигорской встрече; вот почему описание знаменательного свидания стоило ему такого труда. В новонайденной рукописи изложение рассказа знакомца Дружинина оборвано: автор оставил в рукописи две пустых страницы, намереваясь заполнить их позже. Но он так и не решился это сделать и вовсе зачеркнул весь эпизод. «Как ни хотелось бы и нам поделиться с публикою запасом сведений о службе Лермонтова на Кавказе, — историею его кончины, рассказанной нам на самом ее театре с большими подробностями, — мы хорошо знаем, что для таких подробностей и сведений не пришло еще время», — пишет Дружинин. Но, опытный журналист, сделавший себе имя критика в годы самого тяжелого цензурного гнета, Дружинин умел лавировать в печати. Ничего не рассказав, он сказал много.

В то время как во второй книжке «Современника» 1861 г. И. И. Панаев легкомысленно заявлял, что Лермонтов «должен был кончить так трагически: не М(артынов), так кто-нибудь другой убил бы его» ²⁷, а Боденштедт, со слов М. П. Глебова, уверял, что дуэль произошла из-за сестры Мартынова ²⁸, — у Дружинина в столе хранилась отложенная рукопись, где он разоблачал совершенное в Пятигорске преступление. Статья его полна нераскрытых намеков. Нам остается только попытаться их расшифровать.

Автор отказывается признать дуэль Мартынова с Лермонтовым честным поединком. Он указывает на моральных виновников убийства: «...невольная элоба наполняет душу нашу — элоба на общество, не сумевшее оградить своего певца». Далее он дает понять, что были негодяи, которые подготавливали смерть Лермонтова и ждали ее: «...злоба на мерзавцев, осмеливавшихся ей радоваться или холодно встречать весть, скорбную для отечества» (курсив наш. — Э. Г.). Кроме того, Дружинин «проклинает лиц, допустивших (...) погибель» поэта. Вероятно, он имеет в виду секундантов. Вспомним, как он сетовал в Кисловодске на друзей Лермонтова за то, что они не «стали грудью между Лермонтовым и опасностью». Но самое главное, что Дружинин говорит о «презренных орудиях» гибели Лермонтова. В «честном» поединке, где противники находятся в равных условиях, победителя обвинять нельзя. Резкая характеристика Дружинина, напротив, заставляет думать, что он считал Мартынова сознательным убийцей Лермонтова.

Не совсем понятно, почему Дружинин употребляет множественное число, говоря о непосредственных «орудиях гибели» Лермонтова.

Прежде всего приходит в голову упорный слух о посторонних свидетелях, присутствовавших на самом месте поединка,— слух, столь волновавший воображение позднейших биографов Лермонтова. Основываясь на этих слухах, П. А. Висковатов писал в восьмидесятых годах: «В дело вмешались и посторонние люди, как, например, Дорохов, участвовавший на 14 поединках. Для людей, подобных ему, а тогда в кавказском офицерстве их было много, дуэль представляла приятное препровождение времени, щекотавшее нервы и нарушавшее единообразие жизни и пополнявшее отсутствие интересов» 29. При этом Висковатов ставил Дорохова в один ряд с представителями власти, которые (биограф Лермонтова это понимал) толкали поэта к гибели.

Казалось бы, разгадка фразы Дружинина о «презренных орудиях» гибели Лермонтова найдена: косвенным виновником трагического исхода дуэли называли Дорохова. Но все дело в том, что подробные рассказы об убийстве Лермонтова Дружининслышал в Пятигорске именно от Дорохова! Ибо человек, который хранил самое нежное воспоминание о Лермонтове, знал наизусть каждую его строчку, берег как святыню его портрет и говорил о погибшем друге со слезами на глазах,— оказался известным начальником «беззаветной команды», знаменитым брётером Руфином Дороховым.

Это застарляет пересмотреть наше представление о ближайшем окружении Лермонтова, об его преддуэльной истории и о самом поединке. И для того, чтобы разобраться во всех этих противоречиях, необходимо установить достоверность источника, которым пользовался Дружинин. Нам надо внимательнее познакомиться с биографией Дорохова и проследить, каково было его участие в дуэли Лермонтова с Мартыновым. Нам придется обратиться к первой половине XIX в. и особенно остановиться на событиях 1841 г.— года смертельной катастрофы в жизни поэта.

3

Руфин Иванович Дорохов родился в 1806 г. ³⁰ В 1812 г. мальчик был зачислен в военную службу. Отец его, герой Отечественной войны генерал-лейтенант Иван Семенович Дорохов, умер в 1815 г. от ран, полученных при изгнании французов из Вереи. «На тринадцатом году жизни своей» Руфин «был оставлен без надзора (...) на произволе его пылких страстей», — сказано в одном из сохранившихся документов³¹. Едва выйдя из пажеского корпуса в учебно-карабинерный полк, он убил на дуэли капитана ³². В 1823 г. М. И. Пущин нашел его на Арсенальной гауптвахте, «содержащегося под арестом и разжалованного в солдаты» ³³ «за буйство в театре и ношение партикулярной одежды» ³⁴, как сказано в формулярном списке Дорохова. Пущин рассказывает, что «в театре на балконе Дорохов сел на плечи какого-то статского советника и хлестал его по голове за то, что тот в антракте занял место незанумерованное и им перед тем оставленное». «Через несколько лет, — вспоминает Пущин, — я встретился с Дороховым на Кавказе, другой раз разжалованным».

В 1827 г. Дорохов прибыл в Нижегородский драгунский полк под начальство генерала Н. Н. Раевского. На войне он участвовал вместе с сосланными декабристами в самых рискованных делах. Пущин описывает, как темной ненастной ночью он вместе с Дороховым и декабристом Коновницыным осматривал занятую врагом крепость Сардарь-Абад. «Паскевич, довольный исполненным поручением, чтобы отогреть нас, приказал подать две бутылки шампанского и с нами, тремя солдатами, их роспил» 35.

Об участии Дорохова в осаде той же крепости вспоминает и декабрист А. С. Гангеблов. «В Персии, при осаде Сардарь-Абада, ночью при открытии траншей адъютант Сакена привел Дорохова на мою дистанцию работ и приказал дать ему какое-нибудь поручение». «Генералы нашего отряда относились к нему как к сыну славного партизана Отечественной войны, их сослуживца, и старались так или иначе Дорохова выдвинуть», — указывает Гангеблов причину появления адъютанта. Однако Дорохов «всегда держал себя с достоинством, в самой личности его не было ничего похожего на низкопоклонство» ³⁶.

В течение всей войны мы видим Дорохова на самых опасных пунктах. В кавалерийском деле при Джаван-булахе он врубается вместе с серпуховскими уланами в персидскую конницу и берет лично в плен двух наездников; в деле под Карсом он участвует в качестве саперного офицера и первый устанавливает орудия на башне Темир-паша; при штурме Ахалцыха врывается в город в первых рядах ширванцев. На передних траншеях под Эриванью Дорохов был ранен в грудь и контужен осколком гранаты.

По окончании войны Дорохов был награжден золотой саблей с надписью «за храбрость» и произведен в поручики. В это время с ним встретился Пушкин. Упоминание об этой встрече он ввел в свою прозу: «Во Владикавказе нашел я Дорохова и Пущина. Оба ехали на воды лечиться от ран, полученных ими в нынешние походы» («Путешествие в Арзрум»). Поэт присоединился к обоим приятелям. Пущин живо изобразил в своих «Записках» полукомические инциденты, происходившие во время этого совместного путешествия. «По натуре своей Дорохов не мог не драться»,— и Пушкин с Пущиным хохотали, гляда на его «повинную вытянутую фигуру». «Он позволяет мне,— рассказывает Пущин,— прибить себя, если он кого-нибудь при мне ударит»³⁷.

Пушкин, по словам Пущина, находил «тьму грации» в Дорохове и «много прелести в его товариществе».

Гангеблов тоже считал Дорохова «человеком благовоспитанным, приятным собеседником, острым и находчивым. Но все это,— оговаривается мемуарист,— было испорчено его неукротимым нравом, который нередко в нем проявлялся ни с того, ни с сего, просто из каприза и преследовал à outrance* тех, кто ему не нравился, и ов этого не скрывал»³⁸.

В стихотворении, привезенном в 1829 г. из Арзрума, Пушкин, как это установил покойный М. А. Цявловский, нарисовал портрет Руфина Дорохова ³⁹:

Счастлив ты в прелестных дурах, В службе, картах и чинах. Ты Сен-При в карикатурах, Ты Нелединский в стихах. Ты прострелен на дуэле, Ты разрублен на войне, Хоть герой ты в самом деле, Но повеса ты вполне.

Отчаянный храбрец и чувствительный стихотворец, герой и повеса, таков был романтический образ Дорохова, пленивший Пушкина.

Сравнение Дорохова с Нелединским не должно нас удивлять. Л. П. Семенов недавно обнаружил в «Сыне отечества» 1837 г. два стихотворения, напечатанные за подписью: «Р. Дорохов»: «Лезгинскому кинжалу» и «К(укольник)у (из Ахалцыха)»⁴⁰. В одном из неопубликованных писем жены Дорохова скопировано стихотворение, написанное им в 1838 г.

С 1833 г. Дорохов, уволившись «за ранами» от службы и женившись, живет в Москве. В 1835 г. у него происходит «неприятная история» с отставным поручиком Нижегородского полка Д. П. Папковым. Считая своего давнишнего врага «дрянным офицером», Дорохов «поносил его честь»,— несправедливо, по мнению суда. Папков стрелял в Дорохова на улице ⁴¹. Суд приговорил Папкова к наказанию, но потребовал и у Дорохова сознания перед судом в клевете. По этому поводу Дорохов пишет генералу Н. Н. Раевскому письмо, полное достоинства: «Это касается уже до чести — и я скорее умру, чем дозволю наложить малейшую тень на оную,— ибо праху моего родителя должен я отдать отчет в наследстве, им мне завещанном — в имени беспорочном, которое он мне оставил...»⁴².

В 1837 г. у Дорохова уже новая «история». «Ты, может быть, слышала о геркулесовском подвиге г-на Дорохова, который чуть не убил г-на Сверчкова в кабинете кн. Вяземского,— пронически писала Н. П. Шаликова 30 августа 1837 г. С. Д. Кареевой.— Жизнь Сверчкова была в опасности, однако благодаря счастливой звезде г-на Дорохова он выздоровел. Полагают, что дело будет замято, ведь судьба покровительствует повесам (...) вот видишь, милая, как романтично!..» 43.

Но дело обернулось гораздо серьезнее. Дорохов был арестован и тяжело заболел в тюрьме. Очевидно, виновному угрожали каторжные работы, потому что «высочайшая» конфирмация о назначении его рядовым в Навагинский пехотный полк последовала только весной, да и то в результате усиленных хлопот В. А. Жуковского. Поэт
просил наследника поговорить с царем, склонил на свою сторону Бенкендорфа, добился у московского генерал-губернатора облегчения режима арестованного. Правда,
Жуковский заступился за Дорохова только ради его жены, но интересно, что сам потерпевший тоже присоединился к этим хлопотам: «Я виделся с князем Вяземским;

^{*} беспощадно (франц.).

и он, и Сверчков готовы сделать все возможное»,— писал Жуковский М. А. Дороховой, к которой он относился с отеческой нежностью ⁴⁴.

1 марта 1838 г. Дорохов за «нанесение кинжальных ран» отставному ротмистру Сверчкову был назначен рядовым до выслуги в Навагинский пехотный полк. Но «он ранен в ногу, ходить не может, следственно, будет плохой солдат в пехоте,— пишет Жуковский Н. Н. Раевскому в апреле 1838 г.,— посадите его на коня: увидите, что он драться будет исправно. Одним словом, нарядите его казаком» 45. Раевский исполнил просьбу Жуковского и прикомандировал своего бывшего подчиненного к казачым линейным войскам. Казацкий наряд как нельзя лучше подошел Дорохову. «Я запорожец в душе» 46,— писал он в одном из своих позднейших писем. «Вы водворили его в свою сферу»,— благодарно писала М. А. Дорохова Жуковскому 47.

Дорохов был назначен в десантный отряд, строящий Вельяминовский порт при устье р. Туапсе. Во время сильной бури, разразившейся 31 мая, Дорохов бросился с несколькими солдатами в лодку и после шести часов борьбы с волнами был выброшен на противоположный берег реки, где потерпевшие крушение матросы отражали нападения черкесов. «За отличное мужество и самоотвержение, оказанное при крушении судов у черкесских берегов» Дорохов был произведен в унтер-офицеры 48. Подробности этого события описаны в уже упоминавшемся письме М. А. Дороховой к Жуковскому (от 12 июля 1838 г.): «Руфин с товарищами вернулись, изнемогая от усталости и промокшие до костей,— пишет Дорохова.— Мой бедный муж, едва излечившийся от длительной и тяжелой болезни, схватил ужасную простуду, и его начальник отправил его в госпиталь на излечение. Но он мне пишет, что не будет ждать своего выздоровления, и, если предстоит новая экспедиция, он непременно постарается в ней участвовать. Для того, чтобы мне показать, как хранит его провидение, он прислал мне свою солдатскую фуражку, пробитую двумя пулями... Мой муж представлен к производству, это будет сильно способствовать его выздоровлению».

М. А. Дорохова переписывает для Жуковского новую, очень слабую по форме, песню, сочиненную Дороховым—«Что грустишь ты, казак». «Заметьте, что мой бедняга Руфин выдает себя в этой песне с головой,— пишет она,— ясно видно, что из всех постигших его бед больше всего его терзает потеря сабли с надписью "за храбрость". Вообразите, я ревную. Он по сабле тоскует более нежели по жене*... Но так как мой муж не желает никогда больше расставаться с военной службой, я прощаю ему, что он сделал моей соперкицей золотую саблю...».

Это письмо, ярко характеризующее солдатскую натуру Дорохова, относится уже к периоду, близкому к началу дружбы с ним Лермонтова. В 1840 г. мы видим Дорохова во главе собранной им команды охотников, в которую входили казаки, кабардинцы, много разжалованных. Эта команда, действуя партизанскими методами борьбы, обращала на себя внимание отчаянностью всех ее участников и легкой подвижностью. 10 октября Дорохов был ранен и контужен на речке Хулху-лу и передал командование своими «молодцами» Лермонтову. Ранение Дорохова было тяжелым. Один глаз был поврежден — следствие контузии головы, он был ранен в ногу навылет.

В 1841 г. мы видим Дорохова рядом с Лермонтовым в Пятигорске. (Об этом будет сказано дальше.) В 1843 г. он вышел в отставку. Шесть последующих лет его жизни остаются совершенно неосвещенными. В феврале 1849 г. он явился к П. Х. Граббе с просьбой выдать ему свидетельство, поручающее его покровительству Комитета инвалидов. Просьба его была исполнена бывшим командующим войсками на Кавказе киз уважения к памяти отца» 19. Но через полгода какие-то новые происшествия заставили уже немолодого и изувеченного Дорохова опять надеть военный мундир. «Я, наконец, постугаю на службу, а война кончена! Признаюсь вам, этой насмешки от судьбы я не ожидал», — пишет он 10 августа 1849 г. из Варшавы в Петербург. Старый вояка не разбирается в политических целях войны, он рвется в бой, чтобы снова добиться возвраще ния прежнего офицерского чина. «Я просто в отчаянии от моих неудач, и если бы не религия и не железный мой характер, то не знаю, на что бы другой решился на моем месте», — пишет он 50. Летом 1851 г. Дорохов уже в Пятигорске,

st Эта фраза написана по-русски.- $Pe\partial_ullet$

где перед отправлением в свою последнюю экспедицию успел рассказать Дружинину историю гибели Лермонтова. Из этого похода Дорохов не вернулся.

18 января 1852 г. вместе с большим отрядом во главе с «атаманом всех кавказских казаков» генерал-майором Ф. А. Круковским Дорохов попал в засаду в Гойтинском ущелье и был изрублен противником. Тело Дорохова не было вынесено из боя. «Только через три недели князь Барятинский выкупил его у чечендев за 600 рублей. Его доставили в лагерь расклеванного хищными птидами и обглоданного шакалами» ⁵¹.

Судьба Руфина Дорохова заинтересовала Л. Н. Толстого. Некоторые черты его карактера и биографии великий писатель использовал в образе Долохова в романе «Война и мир» ⁵².

4

Лермонтов познакомился с Дороховым на Кавказе в 1840 г., когда оба были прикомандированы к чеченскому отряду генерал-лейтенанта Галафеева. Из рассказа Дружинина мы узнаём подробности этого знакомства. Совместная боевая деятельность обоих ссыльных известна. Лермонтов «получил в наследство от Дорохова, которого ранили, отборную команду охотников», как писал он сам А. А. Лопухину. Это известие подтверждено дошедшими до нас официальными документами. «Во главе отряда» Лермонтов «оказывал самоотвержение выше всякой похвалы», — писал генерал Галафеев в наградном списке Лермонтова. Известен также плачевный результат этого представления поэта к отличию. «Зачем не при своем полку? — написал собственноручно Николай I на рапорте командира. — Велеть непременно быть на лицо во фронте, и отнюдь не сметь под каким бы ни было предлогом удалять от фронтовой службы при своем полку» ⁵³. Таким образом попытка разжалованного героя дать возможность Лермонтову отличиться осталась безуспешной.

После окончания экспедиции Лермонтов встречался с Дороховым в Ставрополе в избранном кругу кавказских офицеров, в том числе сосланных декабристов ⁵⁴. Затем оба друга встретились в 1841 г. в Пятигорске. К этому времени относится сближение их имен историком Нижегородского полка:

«В Черкеевской экспедиции нижегородцы рассчитывали видеться с двумя своими старыми однополчанами — с Руфином Дороховым и М. Ю. Лермонтовым, которых роковая судьба опять привела на Кавказ, помимо их воли. Оба они принадлежали к войскам чеченского отряда, и обоих не было в экспедиции. Дорохов лечился от ран, полученных в минувшем году, а Лермонтов, ездивший в отпуск, остался на возвратном пути в Пятигорске. Но хотя нижегородцам не приплось их увидеть, они слышали о них рассказы и не могли не интересоваться судьбою их, как старых товарищей. Имя Лермонтова достигло тогда уже колоссальной славы, а о Дорохове говорил весь Кавказ, как о человеке исключительном и по своей фатальной судьбе и по тем подвигам, которые два раза высвобождали его из-под серой шинели» 55.

Но какие-то неясные слухи ходили об участии Дорохова в ссоре и дуэли Лермонтова с Мартыновым. В них-то и надо нам разобраться.

Н. П. Раевский, живший в 1841 г. вместе с Глебовым в доме Верзилиных, рассказывал: после вызова Мартынова к ним пришел «некий поручик Дорохов, знаменитый тем, что в четырнадцати дуэлях участие принимал, за что и назывался он у нас бретер. Как человек опытный, он нам и дал совет:

— В таких, говорит, случаях принято противников разлучать на некоторое время. Раздражение пройдет, а там, бог даст, и сами помирятся» ⁵⁶.

По словам Раевского, друзья послушались Дорохова и отправили Лермонтова со Столыпиным в Железноводск. Когда выяснилось, что Мартынов мириться не хочет, «бретер Дорохов опять слово вставил:— Можно, господа, так устроить, чтобы секунданты поставили какие угодно условия». У Раевского осталось впечатление, что Дорохов давал секундантам разумные советы, как избежать дуэли.

Эмилия Александровна Шан-Гирей передавала за верное, что Дорохов сопровождал противников и секундантов до самого места поединка ⁵⁷.

Другой очевидец в своем рассказе о вечере 15 июля упомянул: «Прискакивает Дорохов и с видом отчаяния объявляет: вы знаете, господа, Лермонтов убит!» 58

40 Литературное наследство, т. 67

В переговорах со священником, отказывавшимся хоронить Лермонтова, «Дорохов горячился больше всех»,— вспоминает А. С. Гангеблов. Дорохов «просил, грозил и, наконец, терпение его лопнуло: он как буря накинулся на бедного священника и непременно бы избил его, если бы не был насильно удержан князем Васильчиковым, Львом Пушкиным, князем Трубецким и другими» ⁵⁹.

Казалось бы, все эти детали, запомнившиеся разным людям, свидетельствуют о дружеском участии Дорохова к Лермонтову. Но были люди, которые приписывали ему совсем другую роль и в их числе «г-жа А\лександров\ская», жена протоиерея, на которого набросился Дорохов. Задетая какими-то замечаниями Раевского, она откликнулась на его рассказ в «Ниве».

«Вот как это было,— пишет Александровская в 1885 г.— Накануне памятной, несчастной дуэли, вечером пришел к мужу моему г. Дорохов, квартировавший у нас в доме на бульваре, и просил верховую лошадь ехать за город недалеко; мой муж отказывал ему, думая, не какое ли нибудь здесь неприятное дело, зная его как человека уже участвовавшего в дуэлях, и не соглашался, желая прежде знать, для чего нужна лошадь. Но тот убедительно просил, говоря, что лошадь не будет заморена в скоро ее доставят сохранно и неприятности никакой не будет; муж согласился и действительно лошадь привели вечером не заморенной».

Далее попадья рассказывает, как в шесть-семь часов утра следующего дня к священнику пришли друзья Лермонтова просить о церковном погребении убитого.

«Они ушли,— продолжает она,— а муж позвал меня к себе и сказал: "У меня было предчувствие, я долго не решался давать лошадь Дорохову. Вчера вечером у подошвы Машуки за кладбищем была дуэль; Лермонтова убил Мартынов, а Дорохов спешил за город именно поэтому".— И, опять задумавшись, сказал: "чувствую невольно себя виновным в этом случае, что дал лошадь. Без Дорохова это могло бы окончиться примирением, а он взялся за это дело и привел к такому окончанию, не склоняя противников на мир"» ⁶⁰.

О поведении священника в этот день мы знаем из официальных документов, обнаруженных в девяностых годах. Александровский отказывался отпевать Лермонтова и только, когда Столыпин дал ему двести рублей, согласился проводить покойника. Естественно, что попадья отрицала этот факт, упомянутый и Раевским. О столкновении Дорохова со священником, описанном Гангебловым, она тоже умолчала.

Само собой разумеется, что никто из друзей Лермонтова не посвящал протоиерея в подробности ссоры поэта с Мартыновым. Александровский не мог знать, кто мирил, а кто ссорил противников. Разозленный Дороховым, он свалил на него всю вину, не имея к тому никаких реальных оснований. Против обвинений попадьи решительно протестовала Э. А. Шан-Гирей: «Несправедливо также предполагать Дорохова подстрекателем»,— заявляла она ⁶¹. Но Висковатов твердо стоял на своей позиции, чрезвычайно субъективно толкуя все упоминания о Дорохове, которые он улавливал в своих разысканиях. В Пятигорске рассказывали, например, что задержка Лермонтова в колонии Каррас по дороге из Железноводска к месту дуэли произошла согласно заранее намеченному плану друзей поэта: они, мол, надеялись привезти туда Мартынова, чтобы попытаться в последний раз примирить противников. Говорили, что Мартынов, действительно, приехал в Каррас (это не подтверждается другими материалами), одни полагали, что его привез Васильчиков, другие — Дорохов. Последнее «сомнительно,— пишет Висковатов,— потому что в Пятигорске старожилы говорили, что Дорохов 15 июля под вечер много разъезжал верхом на коне» ⁶². Казалось бы, этот факт свидетельствует только о каком-то беспокойстве Дорохова, но Висковатов всецело положился на подозрения неизвестных обывателей. «Знавших этого человека его суетня поразила: что-нибудь да замышляется недоброе, если Дорохов так суетится». При этом, передавая настроения жителей того времени, Висковатов отсылает читателя к приведенному нами рассказу Александровской. «Мне же она и в 1888 году говорила вышеозначенную фразу», — признается он. Вот на чем строил исследователь свою версию: на пристрастных рассказах попадыи!

Теперь, когда мы узнали от Дружинина об исключительной привязанности Дорохова к Лермонтову, мы уже не сомневаемся в том, что «суетия» его была вызвана же-

ланием спасти друга. Но ошибочная версия Висковатова о роли Дорохова в дуэли Лермонтова до сих пор путает наше представление об обстановке поединка. Я имею в виду слух о посторонних свидетелях дуэли, упорно державшийся в Пятигорске.

«Есть полное вероятие,— пишет Висковатов,— что кроме четырех секундантов: кн. Васильчикова, Столыпина, Глебова и кн. Трубецкого, на месте поединка было еще несколько лиц в качестве зрителей, спрятавшихся за кустами — между ними и Дорохов». «Этот слух доходил и до Лонгинова...,— добавляет автор в примечании, называя еще Тимирязева, слышавшего в Пятигорске нечто подобное. — Кто были эти господа, конечно, останется недознанным. Не подлежит сомнению, что на месте поединка был Дорохов...» Когда в восьмидесятых годах Висковатов обратился к супругам Шан-Гиреям и А. И. Васильчикову,— он спрашивал их не столько о Дорохове, сколько о целой группе зрителей: Эмилия Александровна ответила, что «она того не знает: — мало ли какие ходили слухи!— сказала она. — А участвовал Дорохов, — но это было скрыто на следствии, как и участие Столыпина и Трубецкого». «Когда я указывал кн. Васильчикову на слух, сообщаемый и Лонгиновым,— повествует Висковатов, — он сказал, что этого не ведает, но когда утвердительно заговорил о присутствии Дорохова, князь, склонив голову и задумавшись, заметил: "может быть и были... "»,

Васильчиков всякий раз настораживался, когда речь заходила о Дорохове. В «Эпилоге» своей книги Висковатов повторяет: «Князь Васильчиков упорно молчал относительно других лиц, свидетелей дужи. Он и о Дорохове почему-то говорить не хотел...» ⁶⁴ Догадываясь, в каком резком освещении Дорохов нарисовал Дружинину картину гибели Лермонтова, мы начинаем понимать, почему Васильчиков избегал о нем говорить. Вероятно, Дорохов знал те подробности несчастья, которые противник поэта и секундант на дуэли хотели скрыть. Думается, что он был непрошенным свидетелем на самом месте поединка, и, может быть, его-то и имел в виду некий Н. Д. С-н, утверждавший, что «Лермонтов умер на руках офицера, выслужившегося из солдат» ⁶⁵. Но так как Висковатов упорно приписывал ему роль подстрекателя, то выплыла старая версия о группе посторонних зрителей, подстрекавших Мартынова ⁶⁶. Теперь ее можно подвергнуть сомнению.

Для нас важно другое: из всех приведенных материалов явствует, что в эти июль ские дни в Пятигорске Дорохов был в самом центре событий. А'следовательно его рассказ о гибели Лермонтова приобретает особенное значение.

Что же случилось на месте встречи противников? Дружинин, узнавший подробности катастрофы, не решился предать их гласности. Нам остается только гадать о том, о чем до сих пор мы не имели ни одного достоверного показания очевидцев. Описание Васильчикова, как известно, неточно; все сообщения о фразах, будто бы сказанных Столыпиным Мартынову до и после убийства, или о предсмертных словах самого Лермонтова, обращенных к Глебову, и проч. и проч. — апокрифичны. Непонятно также выражение «участвовал» в поединке, которое так упорно применяла Э. А. Шан-Гирей по отношению к Дорохову, так же впрочем, как и к Столыпвну с Трубецким. Всего этого мы разгадать еще не можем. Но рассказ Дорохова, слышанный Дружининым, — первый сигнал, поступивший с самого места катастрофы. И сигнал этот был таков, что позволил «джентльмену» Дружинину, постоянно выступавшему в защиту дворянских традиций, называть Мартынова «презренным орудием» гибели Лермонтова. Все это указывает на то, что Дорохов — признанный знаток дуэльных правил, сам знаменитый бретер, — оценивал свершившийся поединок как преступление. К этому выводу уже давно приходят советские исследователи, но мы впервые слышим такое мнение от участника и свидетеля поединка. И в этом заключается первостепенное значение находки дружининской рукописи.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ ЦГАЛИ, ф. 168, оп. 1, ед. xp. 93.

² «Библиотека для чтения», 1860, № 9, Литературная летопись, стр. 6.— Принадлежность этой неподписанной заметки А. В. Дружинину установлена Н. В. Гербелем (А. В. Дружинин. Собр. соч., т. И. СПб., 1865, стр. 596).

3 Леонид Федорович де Роберти (1838—1867) напечатал в «Современнике» 1860 г. роман «Трое» под псевдонимом П. Волгонский. См. его письмо к Н. А. Некрасову от 29 декабря 1859 г./10 января 1860 г. («Лит. наследство», т. 51-52, 1949, стр. 478—479). Письмо написано еще из-за границы, но де Роберти, по-видимому, вернулся в Россию, на что указывает и надпись на обложке рукописи Дружинина.

4 «Виблиотека для воспитания», 1845, отд. І, ч. ІІ, стр. І—ІІ.

5 «Русская лирическая поэзия для девиц». Ред. Вл. Стоюнина. СПб., 1859,

стр. 190.

 «Русское слово», 1860, № 5, отд. II, стр. 56.
 «Кавказ», 1853, № 47; ср. «Русский архив», 1893, № 11, стр. 380.
 «Московские ведомости», 1853, № 71, от 13 июня.
 «Справочный энциклопедический словарь, издающийся под редакцией А. Стартический словарь, издающий словарь и дерей предакцией А. Стартический словарь и дерей предакцией чевского», т. VII «Л — Мар». Прибавление. СПб., 1853.

10 «Пантеон», 1853, № 9, «Петербургский вестник», стр. 37—38.

11 «С.-Петербургские ведомости», 1856, № 133, от 16 июня.

12 «Библиотека для чтения», 1852, № 1, стр. 119—120; ср. А. В. Дружинин. Собр. соч., т. VI, стр. 564 (в журнале это письмо значится XXV, но в собрании сочинений нумерация перепутана, и оно помечено XXVI). См. также Полн. собр. соч. М. Ю. Лермонтова. М., «Правда», 1953, т. І, стр. 34, где скрыто процитировано это письмо.

18 «Москвитянин», 1852, № 3, отд. V, стр. 93.

14 ЦГАЛИ, ф. 168, оп. 1, ед. хр. 108, л. 86 об. (Дневник А. В. Дружинина). 15 Там же, ед. хр. 53, л. 2 (А. В. Дружинина. «Легенда о Кислых водах»).

16 Там же, ед. хр. 108, л. 92.

17 Там же, ед. хр. 53, л. 2.

18 Е. Н. Ахматова. Знакомство с А. В. Дружининым.— «Русская мысль»,

1891, № 12, стр. 135.

19 А. В. Дружинин. Собр. соч., т. VI. СПб., 1865, стр. 762.

20 ЦГАЛИ, ф. 168, оп. 1, ед. хр. 109, л. 2 (А. В. Дружинин. Выписки и за-

21 «Библиотека для чтения», 1852, № 8, отд. VI, стр. 69. — Принадлежность этой неподписанной рецензии Дружинину устанавливается мною на основании материала настоящей статьи.

²² А. В. Дружинин. Собр. соч., т. VI, стр. 431.
 ²³ П. К. Мартьянов. Делаилюдивека, т. И. СПб., 1893, стр. 50.

24 С. А. Андреев-Кривич. Кабардино-черкесский фольклор в творчестве М. Ю. Лермонтова.— «Ученые записки Кабардинского научно-исследовательского института», вып. 1. Нальчик, 1946, стр. 260; ср. И. Андроников. Лермонтов. М., 1951, стр. 286—237.
 25 См. нашу статью «Лермонтов и кружок шестнадцати».— В кн.: «Жизнь и твор-

чество М. Ю. Лермонтова» (Ин-т мировой литературы им. А. М. Горького АН СССР).

М., 1941, стр. 77—124.

²⁶ Аполлон Григорьев. Лермонтов и его направление. Крайние грани раз-

вития отринательного взгляда. Статья третья.— «Время», 1862, № 12, стр. 34.

27 И.И. Панаев. Литературные воспоминания. М., 1950, стр. 133; ср. «Современник», 1861, № 2, стр. 658.

28 Л. Заметка о Лермонтове. По поводу нового издания его сочинений.— «Современник», 1861, № 2, «Современное обозрение», стр. 323.— Под исевдонимом Л. скрывался поэт М.И. Михайлов. В своей заметке он перевел «Послесловие» Фр. Боденштедта к его изданию сочинений М. Ю. Лермонтова на немецком языке (Берлин,

29 Сочинения М. Ю. Лермонтова. Первое полное изд. В. Ф. Рихтера под ред.

 А. Висковатова, т. VI. М., 1891, стр. 418.
 «Тифлисский листон», 1902, № 90, от 17 апреля, стр. 2.— Е. Г. Вейденбаум, в распоряжении которого был формулярный список Дорохова, говорит, что он погиб в январе 1852 г. на 46-м году жизни. В формулярном списке Дорохова, составленном 17 февраля 1841 г., сказано, что ему 35 лет (ЦГВИАМ, ф. 395, оп. 147/455, д. 223, ч. IV, лл. 743-754).

31 Н. Н. Овсянников. К биографии Жуковского. (Неизданные письма его

к М. А. Дороховой).— «Исторический вестник», 1895, № 3, стр. 934.

32 Письмо К. Я. Булгакова к А. Я. Булгакову от 15 сентября 1819 г.— «Русский архив», 1903, № 11, стр. 338. Дата этого письма вызывает сомнение, так как выходит, что Дорохов дрался на дуэли, когда ему было 13 лет.

33 «Записки М. И. Пущина».— «Русский архив», 1908, № 3, стр. 424.

34 «Тифлисский листок», 1902, № 90, от 17 апреля, стр. 2.

35 «Русский архив», 1908, № 3, стр. 514.

36 «Воспоминания декабриста А. С. Гангеблюва». М., 1888, стр. 180—181.

³⁷ М. И. Пущин. Встреча с Пушкиным за Кавказом.— В кн.: «И. И. Пущин. Записки о Пушкине. Письма». М., 1956, стр. 366.

38 «Воспоминания декабриста А. С. Гангеблова», стр. 181.

39 А.С. П у ш к и н. Сочинения. Ред. текста и комментарии М. А. Цявловского и С. М. Петрова. М., ГИХЛ, 1949, стр. 874.

40 «Сын отечества», 1837, ч. 183, стр. 151 и ч. 185, стр. 272—273; ср. Л. П. С е м е н о в. Встречи М. Ю. Лермонтова на Кавказе.— «Ученые записки Сев.-Осетинского гос. педагогического института им. Хетагурова», т. XVIII, вып. историко-филологический. Дзауджикау, 1949, стр. 112.

41 А. С. Гангеблов считает, что столкновение Д. П. Папкова с Дороховым на улице произошло в Петербурге в 1849 г. Папков, действительно, приехал 22 января этого года в Петербург («С.-Петербургские ведомости», 1849, № 19, от 25 января, стр. 76). В таком случае остается неясным, за что судили Дорохова и Панкова в 1835 г. (см. прим. 42).

42 «Архив Раевских», т. II. СПб., 1909, стр. 243.

43 ЛБ. Шифр 120/14/8, письмо № 13, л. 5 об.— Подлинник по-французски.

1895. № 3, стр. 934.

45 «Архив Раевских», т. II, стр. 413. 46 Письмо Р. И. Дорохова к И. П. Липранди от 10 августа 1849 г. — ЛБ. Шифр M.8553.70.

47 Письмо М. А. Дороховой (урожд. Плещеевой) к В. А. Жуковскому от 12 июля

< 1838 г.>.— ЛБ. Шифр Елаг. 4.35.— Подлинник по-французски.

48 М. Ф. Федоров. Походные записки на Кавказе с 1835 по 1842 г.— В кн.: «Кавказский сборник», III. Тифлис, 1879, стр. 194; ср. «Тифлисский листок», 1902, № 90, от 17 апреля.

49 «Из дневника и записной книжки графа П. Х. Граббе».— «Русский архив»,

10, стр. 394. 50 Письмо Р. И. Дорохова к И. П. Липранди от 10 августа 1849 г.— ЛБ. Шифр M.8553.70.

51 «Тифлисский листок», 1902, № 90, от 17 апреля.

52 Находка дружининской рукописи вносит новые коррективы в вопрос о прототипе образа Долохова. В романе мы находим следы знакомства Толстого с впечатлениями Дружинина о Дорохове (дружеская близость Толстого и Дружинина в 1850-х годах общензвестна): неожиданные слезы и восторженное отношение Долохова к матери, его нежность к горбатой сестре — как мне кажется — напоминают Дорохова, буяна, бретера и героя, который плакал, когда говорил с Дружининым о Лермонтове. В диалоге Долохова с Николаем Ростовым, в котором раскрывается самое существо образа Долохова, тоже можно узнать черты Руфина Дорохова, «из каприза преследовавшего тех, кто ему не нравился», и саркастического Лермонтова, относившегося к немногим близким ему людям «с женской деликатностью и юношеской горячностью». Имею в виду слова Долохова: «Я никого знать не хочу, кроме тех, кого люблю, но кого люблю, того люблю так, что жизнь отдам; а остальных передавлю всех, коли станут на дороге.

58 ЦГВИАМ, ф. 395, оп. 147/455, д. 223, ч. І, л. 74. Ср. С. А. Андреев-Кривич. Два распоряжения Николая I.— «Лит. наследство», т. 58, 1952, стр. 411— 430 и в книге того же автора «Лермонтов». М.— Л., 1955, стр. 126—150.— Действия «дороховского» отряда и участие в нем Лермонтова неоднократно рассматривались в спепиальных исследованиях. Главнейшую литературу см. в «Летописи жизни и творчества М.Ю. Лермонтова», составленной В. А. Мануйловым.— М.Ю. Лермон по в. Сочинения в шести томах, т. VI. М.— Л., АН СССР, 1957, стр. 854.

54 См. А. Есаков. Лермонтов в 1840 г.— «Русская старина», 1885, № 2,

стр. 474—475.

ьь В. Потто. История 44 драгунского нижегородского полка, ч. IV. СПб., 1894, стр. 125. ⁵⁶ «Нива», 1885, № 8, стр. 186.

⁵⁷ «Север», 1891, № 12, стр. 747.

58 «Записки Екатерины Александровны Хвостовой, рожденной Сушковой. Материалы для биографии М. Ю. Лермонтова». СПб., 1870, стр. 250.

59 «Воспоминания декабриста А. С. Гангеблова», стр. 182.

60 «Нива», 1885, № 20, стр. 475. 61 «Север», 1891, № 12, стр. 748. 62 Сочинения М. Ю. Лермонтова. Под ред. П. А. Висковатова, т. VI. СПб., 1891, стр. 421.

68 Там же, стр. 420. 64 Там же, стр. 426.

65 «Сборник литературных статей, посвященных русскими писателями памяти покойного книгопродавца-издателя А. Ф. Смирдина», т. III. СПб., 1858, стр. 356. Ср. М. Ю. Лермонтов. Сочинения в шести томах, т. II. М.--Л., АН СССР, 1954,

66 См., например, «Лермонтов в записках А. И. Арнольди». Публикация Ю. Г.

Оксмана («Лит. наследство», т. 58, 1952, стр. 470 и 476).

сочинения лермонтова.

Издание С. С. Дудышкина. СПб., 1860 года

Во всей истории русской литературы, за исключением личности Пушкина, с каждым годом и с каждым новейшим исследованием становящейся ближе и ближе к сердцу нашему, мы не находим фигуры более симпатичной, чем фигура поэта Лермонтова. Загадочность, ее облекающая, еще сильнее приковывает к Лермонтову помыслы наши, уже подготовленные к любви и юностью великого писателя, и его безвременною кончиною, и страдальческими тонами многих его мелодий, и необыкновенными чертами всей его жизни. Большая часть из современников Лермонтова, даже многие из лиц, связанных с ним родством и приязнью, - говорят о поэте. как о существе желчном, угловатом, испорченном и предававшемся самым неизвинительным капризам, — но рядом с близорукими взглядами этих очевидцев идут отзывы другого рода, отзывы людей, гордившихся дружбой Лермонтова и выше всех других связей ценивших эту дружбу. По словам их, стоило только раз пробить ледяную оболочку, только раз проникнуть под личину суровости, родившейся в Лермонтове отчасти вследствие огорчений, отчасти просто через прихоть молодости,для того, чтоб разгадать сокровища любви, таившиеся в этой богатой натуре. Жизнь Лермонтова, до сей поры еще никем не рассказанная, известна нам лишь весьма поверхностно, а между тем она изобилует фактами, говорящими в пользу поэта красноречивее всех дружеских панегириков. Лермонтов умел быть смелым в то время, когда прямая и смелая речь вела к великим бедам, — он заявил свою преданность русской музе в ту пору, когда эта муза могла лишь подвергать своих поклонников гонению и осуждению света. Когда погиб Пушкин, перенесший столько неотразимых обид от общества, еще не дозревшего до его понимания, мальчик-Лермонтов в жгучем, поэтическом ямбе первый оплакал поэта, первый кинул железный стих в лицо тем, которые ругались над памятью великого человека. Немилость и изгнание, последовавшие за первым подвигом поэта, Лермонтов, едва вышедший из детства, вынес так, как переносятся житейские невзгоды людьми железного характера, предназначенными на борьбу и владычество. Вместо того, чтоб тосковать в чужом крае и тосковать остоличной жизни, так привлекательной в его лета,— он привязался к Кавказу, сердцем отдаваясь практической жизни, и мало того, что приготовил себя самого к разумной военной деятельности, — но с помощью своего великого дарования сделал для Кавказа то, что для России было сделано Пушкиным. Когда быстрая и ранняя литературная слава озарила голову кавказского изгнанника, наш поэт принял ее так, как принимают славу писатели, завоевавшие ее десятками трудовых годов и подготовленные к знаменитости. Вспомним, что Байрон, идол юноши Лермонтова, [в детстве*] возился со своей известностью как мальчик, обходился со своими сверстниками как турецкий паша, имел сотни литературных ссор и вдобавок еще почти стыдился звания литератора. Ничего подобного не позволил себе Лермонтов, даже в ту пору когда вся грамотная Россия повторяла его имя. Для этого насмешливого и капризного офицера, еще так недавно отличавшегося на юнкерских попойках или кавалерийских маневрах под Красным Селом, мир искусства был святыней и цитаделью, куда не давалось доступа ничему недостойному. Гордо, стыдливо и благородно совершил он свой краткий путь среди деятелей русской литературы, которая, нечего скрывать, в то время представляла много искушений и много путей к дурному. События последнего, самого великого, самого плодовитого года в жизни знаменитого юноши почти

^{*} В прямые скобки заключены слова, зачеркнутые Дружининым. — Ped.

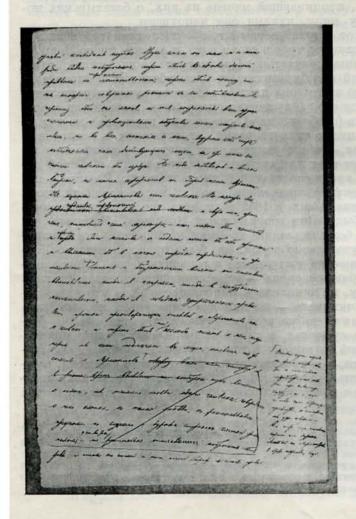
неизвестны. Как человек, Лермонтов, может быть, в эту пору был незамечателен, а временами и грешен, -- но как поэт, он, видимо, переживал эпоху необыкновенную (и, по всей вероятности, имевшую влияние на его характер). Он эрел с каждым новым произведением, он что-то чудное носил под своим сердцем, как мать носит ребенка, мотивы невыразимой, подавляющей скорби вырывались у его Музы и смешивались с другими восторженно-сладкими звуками. Опыт веков, история литературы всех народов показывают с ясностью, что природа никогда не тратит сил своих по-пустому, не дает писателю, предназначенному на скромную деятельность, — языка и замашек поэта великого. А в 1841 году, за самое короткое время от преждевременной смерти, Лермонтов показал нам частные особенности поэта истинно великого. Лорд Байрон с гордостью подписал бы свое имя под иными строфами «Сказки для детей», самые возвышенные из песен Гейне не имели в себе столько силы и грусти, как многие из предсмертных песен русского двадцатишестилетнего писателя, Общеевропейская, общечеловеческая физиономия поэта Лермонтова еще не успела высказаться, определиться с ясностью, но все признаки и задатки мирового поэта тут были — начиная с формы стиха, до сих пор недосягаемой по совершенству, до удивительного проникновения в жизнь природы, выразившегося множеством картин, мастерства первоклассного. Не говорим уже о разнообразии и всесторонности последних пьес Лермонтова, о глубине мысли, проникавшей многие из них, о богатырских порывах к недосягаемому миру, какими они наполнены.

Да, тысяча восемьсот сорок первый год — последний год в жизни поэта нашего — есть истинное чудо в своем роде, и лучшее право Лермонтова на наше восторженное сочувствие. Просмотрите со вниманием оглавление книжки, изданной г-м Дудышкиным, и вы убедитесь в справедливости слов наших. И до этого года поэт был первенствующим деятелем в нашей литературе, -- вся его заслуженная слава была основана на творениях предыдущих годов (особенно на «Герое нашего времени»), но потрудитесь взглянуть на список стихотворений, относящихся к последнему году жизни Лермонтова, — и вы увидите, что почти всё написанное им прежде, за исключением трех или четырех стихотворений*, и «Герой на-шего времени», в свое время сводивший с ума читающую Россию,— всё померкнет перед творчеством означенного года. В числе тридцати шести стихотворений, принадлежащих к 1841 году, есть три или четыре заимствованных, даже слабых («Вид гор из степей Козлова», «Кинжал»), но если мы исключим их без сожаления, все-таки количество вещей, написанных в 1841 году, будет равно всему, что было прежде написано Лермонтовым¹. О внутреннем же достоинстве и говорить нечего. Много поэтов в мире погибало раньше срока — все славнейшие деятели русской поэзии сощли в могилу, не исполнив и половины того, на что их соотечественники могли рассчитывать — но никогда еще судьба не поступала так жестоко с надеждами, ею же возбужденными, никогда она так безвременно не похищала существа, в такой степени украшенного присутствием гения. Последний, загадочный год в жизни Лермонтова, весь исполненный деятельности, — сокровище для внимательного ценителя, всегда имеющего наклонность заглядывать в «лабораторию гения», напряженно следить за развитием каждой великой силы в мире искусства. Тут на

^{*} Замечательна правильная прогрессивность в развитии таланта Лермонтова. У него нет блистательных начинаний, за которыми следуют периоды вялости, бездействия или слабого творчества. Чем ближе к 1841 году, тем более силы и гениальных задатков. Мы видим только один перерыв, в 1838 году, но этот год был очень хлопотливым по служебным делам Лермонтова, и сверх того, в этом году задуман им «Герой нашего времени».—Прим. Дружинина.

всяком шагу виден новый порыв в сокровеннейшие тайники творчества,новый шаг к той неразгаданной грани, которая отделяет деятелей гениальных от деятелей высокоталантливых. И вот, кажется, грань перейдена, вот будто послышались небывалые звуки, от которых забыются сердца миллионов людей... всё пророчит победу, кажется одна только минута отделяет нас от новой силы и нового слова, — и вдруг всё становится мрачно, все ожидания падают, как здание, выстроенное на песке. Безвременная насильственная смерть заканчивает всю эту великоленную картину, невольная злоба наполняет душу нашу, — злоба на общество, не сумевшее оградить своего певца, злоба на презренные орудия его гибели, злоба на мерзавцев, осмеливавшихся ей радоваться или холодно встречать весть, скорбную для отечества. И только после долгого озлобления, после долгих уверений самого себя в невозвратимости утраты дух наш успокаивается. Мы принимаем то, что дано нам, снова дивимся песням безвременно погибшего юноши и, проклиная лиц, допустивших его погибель, — все-таки с гордостью убеждаемся, что «не бездарна та природа, не погиб еще тот край», где пристечении самых неблагоприятных случайностей, при полной неспособности общества ценить людей, его возвеличивающих — всё еще появляются личности, подобные поэту Лермонтову.

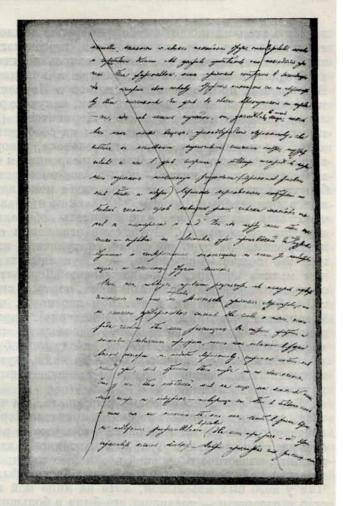
В издании, принадлежащем С. С. Дудышкину и теперь нами разбираемом, нет биографии Лермонтова, нет даже материалов для его биографии.

РУКОПИСЬ СТАТЬИ ДРУ-ЖИНИНА О ЛЕРМОНТОВЕ. 1860 г.

Черновой автограф Центральный архив литературы и искусства, Москва РУКОПИСЬ СТАТЬИ ДРУ-ЖИНИНА О ЛЕРМОНТОВЕ 1860 г.

Черновой автограф Центральный архив литературы и искусства, Москва

В этом отношении винить издателя невозможно, для полного жизнеописания еще не пришло время, материалов же готовых слишком мало, неизданных же, может быть, и довольно, но все они раскиданы по рукам людей, весьма мало заботящихся о литературе. Жизнь Лермонтова не была скупа событиями, но многие слишком интимные ее подробности, касаясь людей живых или еще недавно умерших, — не могут принадлежать печати. Поэт имел, как говорят люди его знававшие, небольшое число страстных привязанностей, имевших решительное влияние на его жизнь, касаться их невозможно, когда еще живы женщины, ценимые им выше всего на свете. Умея любить, Лермонтов был и тем, что Байрон называет a good hater, то есть человек, умевший ненавидеть глубоко. Друзей имел он мало и с ними редко бывал сообщителен, может быть вследствие детской привычки к сосредоточенной мечтательности, может быть потому, что их интересы совершенно рознились с его собственными. На переписку был он ленив, и хотя, соприкасаясь (со) всем кругом столичного и провинциального общества, имел множество знакомых, но во всех сношениях с ними держал себя скорее наблюдателем, чем действующим лицом, за что многие его считали человеком без сердца. Не надо забывать и влияния Байрона, и многих афоризмов из «Героя нашего времени» — для оценки Лермонтова как человека. По натуре своей [предназначенный властвовать над людьми] горделивый, сосредоточенный, и сверх того, кроме гения, отличавшийся силой характера, — наш поэт был честолюбив и [горд] скрытен. Эти

качества с годами нашли бы себе применение и выяснились бы в нечто стройно-определенное, -- но при молодости, горечи изгнания и байроническом влиянии они, естественно, высказывались иногда в капризах, иногда в необузданной насмешливости, иногда в холодной сумрачности нрава. Вот причина противоречащих отзывов о Лермонтове как о человеке и. может быть, той неохоты писать о нем, какую не раз мы сами подмечали в лицах, имевших кое-что сказать о Лермонтове. [Между всеми теми, которых мы в разное время вызывали на сообщение нам воспоминаний о поэте, мы помним только одного человека, говорившего о нем охотно, с полной любовью, с решительным презрением к слухам о дурных сторонах частной жизни поэта, — но и он все-таки решительно отказался набрэсать хотя несколько заметок о своем покойном друге, отговариваясь ленью и служебными делами. Мы должны прибавить, что последняя причина была уважительна, наш приятель собирался в экспедицию, где и положил свою голову. Дружеские отношения его к Лермонтову были За день до своего выступления из города (Пятигор)ска, сошлись случайно, -- он, укладываясь в поход, показывал нам мелкие вещицы, принадлежавшие Лермонтову, свой альбом с несколькими шуточными стихами поэта, портрет, снятый с него в день смерти, и большую тетрадь в кожаном переплете, наполненную рисунками (Лермонтов рисовал очень бойко и недурно). Картинки карандашом изображали по большей части сцены кавказской жизни, стычки линейных казаков с татарами и т. д. Кой-где между ними были еще стихи — отрывки из известных уже произведений да опять шуточные двустишия и четверостишия, относящиеся к каким-то неизвестным лицам и не имеющие другого значения².

Так как, пользуясь правами рецензента, мы намерены передать читателям кое-что из изустных рассказов приятеля Лермонтова, — то не мешает предварительно сказать два слова о том, какого рода человек был сам рассказчик. Он считался храбрым и отличным кавказским офицером, носил имя, известное в русской военной истории; и, подобно Лермонтову, страстно любил кавказский край, хотя брошен был туда не по своей охоте. Чин у него был небольшой, хотя на лицо мой знакомый казался очень стар и издержан, — товарищи его были в больших чинах, и сам он не отстал бы от них, если б в разное время не подвергался разжалованию в рядовые (два или три раза, — об этом спрашивать казалось неловко). — Должно признаться, что знакомец наш, обладая множеством достоинств, храбрый как лев, умный и приятный в сношениях, - был все-таки человеком из породы, которая странна и даже невозможна в наше время, из породы удальцов, воспетых Денисом Давыдовым и памятных, по преданию, во многих полках легкой кавалерии. Живи он в двенадцатом году, при широкой дороге для военного разгула и дисциплине, ослабленной необходимостью, его прославляли бы как рубаку и, может быть, за самые шалости его не взыскивалось бы со строгостью, но при мире и тишине дела шли иначе. Молодость его прошла в постоянных бурях, шалостях и невзгодах, с годами все это стало реже, но иногда возобновлялось с великой необузданностью. Но, помимо этих периодических отклонений от общепринятой стези, Д—в был человеком умным, занимательным и вполне достойным заслужить привязанность такого лица, как Лермонтов. Во все время пребывания поэта на Кавказе, приятели видались очень часто, делали вместе экспедиции и вместе веселились на водах. С годами, — когда подробные рассказы о последних годах поэта будут возможны в печати, -- мы передадим на память несколько особенных приключений, а также подробности о последних днях Лермонтова, в настоящее же время, по весьма понятной причине, мы можем лишь держаться общих отзывов и общих рассуждений о его характере.

Лермонтов, — рассказывал нам его покойный приятель, — принадлежал к людям, которые не только не нравятся с первого раза, но даже на первое свидание поселяют против себя довольно сильное предубеждение. Было много причин, по которым и мне он не полюбился с первого разу. Сочинений его я не читал, потому что до стихов, да и вообще до книг, не охотник, его холодное обращение казалось мне надменностью, а связи его с начальствующими лицами и со всеми, что терлось около штабов, чуть не заставили меня считать его за столичную выскочку. Да и физиономия его мне не была по вкусу, — впоследствии сам Лермонтов иногда смеялся над нею и говорил, что судьба, будто на смех, послала ему общую армейскию наружность. На каком-то увеселительном вечере мы чуть с ним не посчитались очень крупно, — мне показалось, что Лермонтов трезвее всех нас, ничего не пьет и смотрит на меня насмешливо 3. То, что он был трезвее меня, -- совершенная правда, но он вовсе не глядел на меня косо и пил, сколько следует, только, как впоследствии оказалось, - на его натуру, совсем не богатырскую, вино почти не производило никакого действия. Этим качеством Лермонтов много гордился, потому что и по годам, и по многому другому, он был порядочным ребенком.

Мало-помалу неприятное впечатление, им на меня произведенное, стало изглаживаться. Я узнал события его прежней жизни, узнал, что он по старым связям имеет много знакомых и даже родных на Кавказе, а так как эти люди знали его еще дитятей, то и естественно, что они оказывались старше его по служебному положению. Вообще говоря, начальство нашего края хорошо ведет себя с молодежью, попадающей на Кавказ за какую-нибудь историю, и даже снисходительно обращается с виновными более важными. Лермонтова берегли по возможности и давали ему все случаи отличиться, ему стоило попроситься куда угодно, и его желание исполнялось, — но ни несправедливости, ни обиды другим через это не делалось. В одной из экспедиций, куда пошли мы с ним вместе, случай сблизил нас окончательно: обоих нас татары чуть не изрубили, и только неожиданная выручка спасла нас. В походе Лермонтов был совсем другим человеком против того, чем казался в крепости или на водах, при скуке и бездельи]*.

Итак,по необходимости — все, что могут биографы сказать о жизни поэта Лермонтова, и все, что можем сказать мы сами, имевшие случай сходиться с небольшим числом лиц, его хорошо знавших, до сих пор ограничивается одними общими соображениями. Как ни хотелось бы и нам поделиться с публикою запасом [подробностей] сведений о службе Лермонтова на Кавказе,— историею его кончины, рассказанной нам на самом ее театре с большими подробностями,— мы хорошо знаем, что для таких подробностей и сведений не пришло время. Примиримся же с необходимостью и расскажем, по крайней мере, тот бедный запас фактов, который теперь может быть рассказан.

Изо всей жизни Лермонтова, взятой с внешней точки зрения, только начало и конец заключают в себе нечто благоприятное поэтическому развитию его таланта. Дитятей он живал в деревне с старым домом и запущенным садом, смерть нашла его между величавых гор Кавказа, посреди обильной, уму и сердцу говорящей деятельности. Лучше всех анекдотов о детстве Лермонтова, живее всех рассказов о его ученических годах

^{*} Здесь в рукописи оставлены почти две страницы чистыми.

Ниже приводим строки, вставленные повднее и ваменяющие вычеркнутый эпизод: Только один период из жизни поэта известен с некоторою подробностью — мы говорим про кавказскую службу,— но и тут с новой силой встречается препятствие, о котором мы уже говорили,— все почти лица, имевшие хорошее или дурное влияние на Лермонтова в этот период, еще живы, и касаться его сношений с ними никакой биограф не имеет права.

является его бессмертная элегия, задуманная на бале, дописанная в невольном уединении и подписанная тысяча восемьсот сороковым годом. Элегия эта, «Первое января», по справедливости считающаяся жемчужиной в поэтическом венце Лермонтова. Тут история его детских дум и радостей, тут сведены в одном фокусе все лучи, кидавшие свет ранней поэзии на целое детство истинного поэта.

...памятью к недавней старине Лечу я вольной, вольной птицей; И вижу я себя ребенком; и кругом Родные всё места: высокий барский дом И сад с разрушенной теплицей;

Зеленой сетью трав подернут спящий пруд, А за прудом село дымится — и встают Вдали туманы над полями. В аллею темную вхожу я; сквозь кусты Глядит вечерний луч, и желтые листы Шумят под робкими шагами.

И странная тоска теспит уж грудь мою: Я думаю об ней*, я плачу и люблю, Люблю мечты* моей созданье С глазами, полными лазурного огня, С улыбкой розовой, как молодого дня За рощей первое сиянье.

Так царства дивного всесильный господин*— Я долгие часы просиживал один, И память их жива поныне Под бурей тягостных сомнений и страстей, Как свежий островок безвредно средь морей Пветет на влажной их пустыне.

Мы не можем не заметить от себя при этом случае, что все рассказы о детстве Лермонтова, в разное время слышанные нами и иногда от людей вовсе не поэтических по натуре, - словно почерпнуты из этого стихотворения. Во всех ребенок-Лермонтов изображается нам сосредоточенным и мечтательным (мы видим, что у него даже была воображаемая подруга с голубыми глазами и розовой улыбкой!), умеющим находить наслаждение в одиночестве и недовольным, когда что-нибудь отрывало его от уединенных прогулок. Как все дети с подобным развитием, Лермонтов долго был нескладным мальчиком и даже в молодости, выезжая в свет, имея на всем Кавказе славу льва-писателя, не мог отделаться от застенчивости, которую только прикрывал то холодностью, то насмешливой сумрачностью приемов. К наукам, особенно к наукам точным, мальчик Лермонтов расположения не имел, да и вообще не подавал блестящих надежд в будущем, отчасти потому, что учился понемногу, как все русские мальчики, отчасти и по развитию поэтического элемента в ущерб прочим. Читал он, конечно, много, хотя, по большей части, лишь произведения изящной литературы, - поэзия Пушкина и знакомство с иностранными языками ограждали его от слишком неразборчивого чтения. О том, когда и как начал писать Лермонтов, многого говорить не сможем, потому что в произведениях его детства нет особенных залогов будущего совершенства и в этом роде они далеко ниже лицейских стихотворений Пушкина⁴.

^{*} Вместо я в рукописи — и; вместо мечты — души; вместо господин — властелин.

С поступлением мальчика или, скорее, молодого человека в учебное заведение (в старую школу гвардейских подпрапорщиков и юнкеров принимались воспитанники не моложе 16 лет), внешняя обстановка жизни Лермонтова становится не только не поэтическою, но даже антипоэтическою. Дошедшие до нас школьные произведения поэта, острые и легко написанные, хотя по содержанию своему неудобные к печати, оставляют в нас чувство весьма грустное. Всякая молодость имеет свой разгул, и от семнадцатилетних гусаров никто не может требовать катоновских доблестей, но самый [холодный] снисходительный наблюдатель сознается, что разгул молодежи лермонтовского времени был разгулом нехорошим. Даже старый Бурцов, забияка и ёра, не одобрил бы своих мальчиковпотомков, не одобрил бы и среды, в которую они были поставлены. Гусар Бурцов никак не понял бы этих полузатворнических, полуудалых правов, этих ребяческих кутежей, основанных не столько на потребности веселья, сколько на моде и подражании взрослым. Нам кажется, что если бы семнадцатилетнего Бурцова посадили в закрытое заведение, он или удрал бы из него для того, чтоб пойти солдатом в настоящие гусары, или выдержал бы искус, скрепя сердце, не роняя достоинства молодости, не увлекаясь полупроказами и полуудальством воспитанника. В юношеских стихах, относящихся ко времени затворничества Лермонтова, мы не встречаем и тени протеста в бурцовском отношении. Он доволен своим «пестрым эскадроном»*, восхищается своими удалыми сверстниками, а в товарищах, едва вышедших из ребяческого возраста, выхваляет то, что едва спускалось герою Денису, прославившему себя в бою и честно послужившему родине. Понятно, что, при таком направлении жизни, речи не могло быть о науке, о дельном чтении, даже об основательном изучении военного ремесла, к которому Лермонтов готовился. К счастию, срок юнкерского воспитания был не долог, и Лермонтов не замедлил проститься с бытом не то офицерским, не то кадетским, и, во всяком случае, — для него ничего не давшим.

Жизнь молодого поэта в столице как военного и светского человека тоже не во многом была радостна. Лермонтов принадлежал к тому кругу петербургского общества, который составляет какой-то промежуточный слой между кругом высшим и кругом средним, и потому и не имеет прочных корней в обоих. По роду службы и родству он имел доступ всюду, но ни состояние, ни привычки детских лет не позволяли ему вполне стать человеком большого света. В тридцатых годах, когда разделение петербургских кругов было несравненно резче, чем теперь, или когда, по крайней мере, нетерпимость между ними проявлялась сильнее, такое положение имело свои большие невыгоды. Но в [замен] смягчение им, оно давало поэту, по крайней мере, досуг, мешало ему слишком часто вращаться в толпе и тем поперечить своим врожденным наклонностям. Сверх того, служба часто требовала присутствия Лермонтова в окрестностях Петербурга, где поневоле все располагало его к трудам, чтению, пересмотру его заброшенных было тетрадок. Нужно ли говорить о том, что скоро к другим побуждениям высказаться — присовокупилась страсть, самая горячая и самая способная возвысить душу славолюбивого юноши? Как бы то ни было, но период первой службы Лермонтова, довольно бесцветный по событиям, принес ему с собою охоту к труду. Уже силы были испробованы в печати [довольно удачно, замыслы новых произведений уже роились в душе, а душа была наполнена песнями Пушкина, грандиозной фигурой Байрона, которого основательное изучение относится именно к этой поре в жизни Лермонтова] наступал довольно заметный перелом

^{*} В старой школе юнкера носили мундир своих полков, а не один общий, как в настоящее время.— Π рим. Дружинина.

в направлении новых стихотворений, влияние Пушкина как образца сменило собою рабское увлечение Байроном,— не повредив, однако же, страсти Лермонтова к байроновской поэзии, захватившей собой всю душу талантливого юноши почти что с детского возраста.

Здесь мы считаем нужным приостановиться и сказать несколько слов о предмете, которого нельзя не коснуться, изучая Лермонтова, о предмете до такой степени сросшемся с его твореньями, что о нем счел нужным поговорить сам г. Дудышкин, не сообщивший нам даже малейших подробностей, относящихся до биографии Лермонтова. Читатель догадывается, что предмет, упомянутый нами, — есть поэзия лорда Байрона и еевлияние на Лермонтова.

О Байроне было писано чрезвычайно много и еще много будет писаться. Бури, окружавшие собой жизнь этого необыкновенного человека, кажется снова поднимаются над его могилою. Реакция поклонения влечет за собой реакцию сурового суда и отдаляет последнее слово о поэте, даже на его родине, где общественное мнение так снисходительно к деятелям предшествовавших поколений. Над нами, может быть, посмеются, если мы скажем, что десятки самых развитых ценителей искусства в Англии отрицают в Байроне поэтическое дарование и что сотия тысяч соотечественников поэта, создавшего Манфреда, предпочитают этому поэту или Теннисона или Вордсворта. А между тем мы нисколько не преувеличиваем и можем, даже не ссылаясь на новые критические журналы, отослать читателя за справками к Теккерею, не раз говорившему в своих романах, что лорд Байрон был не поэтом, а очень умным человеком, умевшим пускать пыль в глаза своей публике. По нашему мнению, причина такого колебания известности, таких разноречивых отзывов о писателе, бывшем почти четверть века властителем дум образованного света, заключается в двусторонности значения лорда Байрона как поэта, в двойственности байроновской поэзии, соединяющей в себе элементы вечного гения с частностями иногда фальшивыми, иногда возмутительными, иногда совершенно несовместными с гением.

Г-нДудышкин в коротенькой статье своей перед первым томом сочинений Лермонтова хорошо охватил слабые стороны частной жизни лорда Байрона, стороны, отразившиеся во многих его трудах и в свое время увлекавшие читателей гораздо более, нежели другие существенно прекрасные стороны Байрона как человека. Совершенная правда, что поэт «Чайльд-Гарольда» был великосветским денди, стыдился своего расстроенного состояния, мстил английской аристократии за то, что она его не заметила в Палате лордов, тщеславился своей разгульной жизнью в Италии, проповедывал сильные страсти и был капризен как избалованная кокетка. К обвинениям этим можно прибавить еще многое, еще не высказанное г. Дудышкиным. Байрон сделал несчастными нескольких женщин, его любивших. Презирая литературные занятия, он был болезненно самолюбив на всякое справедливое замечание. Смеясь над мнением света, он тосковал, чуть свет переставал им заниматься, радовался, когда нелепая молва выставляла его героем небывалых преступлений, и считал своей обязанностью, посредством угрюмого вида и таинственных полупризнаний, поддерживать свою злодейскую репутацию. В письмах своих и заметках, исполненных остроумия и огня, он часто являлся лгуном безо всякой надобности. «Я распустил мой гарем», — пишет он почти мальчиком, покидая свой замок. «Я не способен любить порядочных женщин», - говорит он Муру в период самой сильной из своих привязанностей. Все это очень нехорошо, и нехорошо тем более, что было воплощено в летучие строфы, в страницы блестящей прозы, обходило весь мир, благоговевший перед Байроном, и кружило головы, самые неподатливые.

Но за этими, в наше время смешными или нечистыми частностями, жила другая сторона, признаваемая даже и злейшими хулителями Байрона. От полоумного отца и до бешенства вспыльчивой матери поэт наследовал их пороки, -- но провидение, никогда не дающее высоких талантов недостойным представителям человечества, - наделило его возвышенным умом и страстно-любящим сердцем. Г. Дудышкин жестоко ошибся и, вероятно, не просмотрел всех отзывов о жизни Байрона, сказавши, что этот человек «по идее вступался за угнетенные народы, а всегда при встрече с народом не хотел ему протянуть своей руки, одетой в лайковую перчатку». Очень может быть, что в смысле буквальном Байрон не жал своей рукою руки простолюдина, но в переносном смысле он протягивал свою щеголеватую руку всякому, кому была нужна помощь. Беспредельная благотворительность лорда Байрона была одною из причин его относительной бедности; она засвидетельствована тысячами рассказов, всеми фактами, разъяснившимися после его смерти, и, наконец, помимо неопровержимых доказательств, живет в народной памяти. В Венеции, невзирая на расспросы туристов, давно забыли английского поэта как знаменитость, забыли и его причудливую жизнь и его прогулки верхом в Лидо, но нет в ней простолюдина, который на вопрос о Байроне не скажет вам: «Сколько делал добра, сколько денег раздавал этот signor Byron!» То же скажут простые люди в Равенне, и даже в Генуе, где пребывание Байрона было кратковременно*. Вступаться за угнетенных, нести всю свою душу на защиту слабого Байрон умел не хуже Гарибальди, и если большая часть его усилий прошла без следа, в том надо винить не его, а время, в которое он действовал. Никакие человеческие усилия не в силах заставить созреть недозревшего плода, а Байрон жил именно в то время, когда дело всей его жизни было еще незрело. Европа только что начала отдыхать после изнурительных переворотов, --- (невыразимая) неодолимая потребность спокойствия отстранила на время все вопросы о национальностях, все стремления к улучшению быта меньшей братии. Вся политическая жизнь лорда Байрона была попыткою расшевелить эту апатию, попыткою, часто несвоевременною и потому бесплодною, - но всегда искреннею. Вспомним предмет, по поводу которого говорил он свою лучшую речь в Палате лордов: дело шло о бедственном положении ткачей и других работников, о фрембрикерах и о мерах к успокоению на» рода, почти доведенного до отчаяния колебаниями цен, нищетою, застоем торговли. Байрон говорил против мер жестокостив этом деле, напоминал о необходимости принять к сердцу вопрос, грозивший несчастиями, и если лорды без внимания выслушали молодого оратора, то меры последующих годов и теперешняя заботливость передовых людей Англии оправдали Байрона, а не лордов. То же самое видим мы через несколько лет, в Италии, когда поэт всем сердцем отдался незрелому делу ее освобождения. Десятки великолепных страниц свидетельствуют о том, как любил он Италию, ее небо, ее искусство, ее будущность, ее жителей, но мог ли уважать всех своих сверстников в деле освобождения, сверстников, зараженных мюратизмом, мистицизмом, допускавших тайное убийство как средство противодействия и перемешанных с доносчиками, с аванжаждущими своеволия, а не свободы? Так, -- скажут нам, -- «но массы итальянского народа были же чисты от грехов карбонаризма?» Да, Байрон и не был неправ перед итальянским народом, он делился с ним чем мог, тосковал о его страданиях, но все-таки и видел, и говорил, что опираться на этот народ — дело ненадежное. Много лет

^{*} Надо к этому прибавить, что в Италии, где благотворительность крайне развита и часто переходит в ребяческое разбрасывание денег,— трудно удивить кого-нибудь добрыми делами.—Прим. Дружинина.

после смерти Байрона, в 1848 году,— разве этот народ, в Милане, не оказался истинно ненадежным,— не оскорбил сардинские войска, клавимие за него головы, и не отравил последних [военных] часов политической жизни короля Карла-Альберта, своего первого заступника? Байрон не мог сжиться с мыслию о том, что освобождать Италию было еще несвоевременно. С отчаянием держась за лучшую мечту молодости, он даже был готов на отчаянную попытку,— от которой, к счастию, отвлекли его несогласия его товарищей-патриотов. И теперь, когда, кажется,— лучшая пора настала для страны, обожаемой поэтом,— может быть, Италия, ставящая памятники Кавуру и Гарибальди, не позабудет почтить память чужестранца, трудившегося для нее в те года, когда целый свет вместе с князем Меттернихом считал слово «Италия» простым географическим выражением.

Поездка лорда Байрона в Грецию одна может служить памятником его беспредельной любви к угнетенным. Г. Дудышкин говорит нам, что поэт, сражаясь за народ, описанный Фукидидом, ненавидел настоящих греков за то, что в них живут низкие страсти. Это обвинение нас удивляет. Если б Байрон ненавидел всех настоящих греков, -- он не поцеремонился бы уехать от них или выразил бы свою ненависть чем-нибудь положительным, то есть показал бы свою вражду на деле, и греки не оплакивали бы его кончины так, как они ее оплакивали. А в том, что Байрон возмущался жадностью, жестокостью и даже трусостью многих из греков, имевших с ним сношения по его приезде, сомневаться нельзя. Нам скажут, что он должен был любить народ греческий со всеми его недостатками. Да Байрон и любил его, и умерзанего, а недостатки его ненавидел, клеймил, наказывал по мере сил и возможности. Почитайте-ка записки Трелавиня о Греческой войне, недавно вышедшие, да возьмите еще кого-нибудь из филэллинов,— и тогда мы вас спросим, какое звероподобное существо могло мириться с недостатками вождей и воинов новой Греции⁶? Иегко примириться с человеком, который вследствие долгого угнетения заражен грубостью, грязен, порочен, но если он с наслаждением режет пленного и крадет деньги, назначенные на прокормление его умирающих с голода товарищей, о нем можно говорить, как о подлеце, и даже наказать его можно, как подлеца, не греша перед народом. Необразованный вождь из клефтов может ругаться и нести вздор на военном совете и при этом оставаться все-таки хорошим воином, но если при споре он берет пистолет и сажает пулю в лоб своему соседу, - никакая любовь к народу не помещает нам назвать его диким извергом. Байрон, отправляясь в возмущенную Грецию, вовсе не ожидал найти там аркадских пастушков или воинов Плутарха. Он даже предвидел худое, и оттого так сильно боролся с ним, что желал его уничтожить. Да, наконец, что и за любовь к народу без ненависти к его порокам? Извинением пороков этих или нежными иеремиадами не много сделаешь добра и пользы. Скажем более: греки оттого так и оплакивали Байрона, что видели в нем вражду к злу, между ними распространенному, и надеялись, что около него, как около нового знамени, соберется все честное и способное в их*родине. Сам Байрон знал, что на него смотрят не только как на бойца против врага внешнего, но как и на гонителя врагов внутренних. Его властолюбивая натура радовалась приобретенному влиянию и готовилась в первый раз испробовать себя в роли настоящего вождя людей, роли смутно сознаваемой и до страсти всегда увлекавшей Байрона.

Оканчивая с обозрением байроновой жизни (а она вся отразилась в плодах его вдохновений), мы прямо подошли к сущности и духу трудов поэта. Двойственность человека, усиленно выискивающего себе поприще для сильной политической деятельности и только перед смертью отыскавшего себе в Греции это поприще, вполне высказывается в байроновой

поэзии. Поэт «Корсара» был прежде всего человеком властолюбивым, и мы видели, что властолюбие его не принадлежало к числу праздных бесцельных властолюбий, властолюбий для потехи собственного сердца. Байрон всю жизнь свою, может быть, начиная с детства (когда он воображал себя полководцем и командиром байроновой черной $\partial ружины$) видел в себе вождя людей, существо передовое и отмеченное перстом божьим на нечто великое. Италия, а еще более Греция доказали, что мечта эта не была напрасной мечтою, -- они же достаточно выяснили ту деятельность, на которую он был призван. Но до Италии и до Греции было еще далеко. Неуживчивый по натуре, гордый вследствие смутной веры в свои силы, без большого значения в свете, неприготовленный практикой жизни к политическим делам в Палате, — молодой лорд был вдобавок еще несчастен и в семействе своем. За исключением страстно любившей его сестры Августы, он был несчастен в самых близких людях. О матери его уже мы говорили, жена его, может быть, им самим поставленная в недобрые отношения, -- повела разрыв так жестоко и оскорбительно, что [как бы] оправдала Байрона от всякого нарекания. Вся эта мрачная обстановка жизни — в соединении с поэтической зоркостью на общественные страданья своего времени и породила тот безотрадный горделиво-страдальческий оттенок таланта, который, по мнению многих, составляет всю сущность байроновой музы. «Прошедшее,— говорит нам муза эта,— бесконечная арена преступлений, настоящее — отвратительно, будущее — темно; мир - игрушка случая; народ — подл; правители — безжалостны; открывает бездну, у которой нет границ; любовь — роковая мечта»*. Характеристика эта, скажем мимоходом, далеко не полна, но дополнять ее нет надобности: отличительные черты байронизма хорошо известны всякому.

Как ни подходили вышеозначенные идеи к положению изнуренного, изверившегося и разочарованного общества в начале нынешнего столетия,— как ни соответствовали они воплю отчаянного отрицания, раздававшемуся отовсюду, но не на них одних основывалась громадная популярность Байрона как поэта. Одни отголоски горького разочарования не могли привлечь к поэту всей мыслящей, особенно молодой части его современников. Лорд Байрон был певцом не одной безнадежности. Пушкин понял его превосходно, назвавши его поэтом гордости **, может быть еще вернее будет, ежели мы слово гордость заменим словом властолюбие. Корень этого основного и постоянного элемента байронических песен заключался в энергичной натуре певца, предназначенной властвовать над людьми и только в последние годы его жизни отыскавшей свое прямое предназначение.

До сближения Байрона с итальянскими патриотами [властолюбие] жажда власти [над] жила в нем как сила без применения, кидавшаяся во все стороны, по временам попадавшая на прямую дорогу (речь о страданиях работников в Палате лордов), но сбиваемая с нее неудачами, несвоевременностью попыток и событиями бурной жизни. С первого замечательного произведения Байрона («Englishbards»***) мы уже видим в поэте человека, не удовлетворенного передовыми людьми и передовыми идеями своей родины, враждебного рутине, как литературной, так и политической. В первых песнях «Чайльд-Гарольда» это мизантропическое настроение, украшенное всеми перлами поэзии, проявилось снова, дало Байрону великую славу и вместе с тем одностороннюю известность, как певца разочарования. Но рядом с сейчас названными произведениями,

^{*} Предисловие г. Дудышкина к I тому Соч. Лермонтова.— Прим. Дружинина. ** И Байрон, гордости поэт. («Евг. Онегин»). — Прим. Дружинина.

^{*** «}Английские барды <и шотландские обозреватели >» (англ.).

⁴¹ Литературное наследство, т. 67

исполненными горького и пассивного недовольства, - шли другие, в которых Байрон уже являлся иной стороной своего призвания. В «Гяуре», «Корсаре», «Осаде Коринфа» слышится не один плач по поводу увядшего жизни цвета, не одно презрительно враждебное отношение поэта к людям. В поэмах, нами названных, и во многих мелких стихотворениях той поры сказывается поэзия борьбы с враждебной судьбою, сладость власти над людьми, гордое величие духа, в себе самом нашедшем опору и силу. В поэмах, про которые говорим мы, является один и тот же человек (как во всех поэмах Байрона) в виде любовника-мстителя, начальника пиратов, ренегата-полководца. В «Гяуре» мы его видим сперва в полном бессилии, одного во враждебном крае, навсегда лишившегося женщины, ценимой им выше всего мира. И этот слабый, едва очерченный поэтом незнакомец, гяур между правоверными, наконец, совершает мщение, нападает на человека, погубившего его подругу, в бешеном бою повергает его наземь, склонившись над ним, называет себя, и, кончив дело всей своей жизни, умирает гордо и бестрепетно. Конрад в «Корсаре» уже не один посреди пустыни, — около него целый народ флибустьеров, преданных ему беспредельно, он идет на мусульман, как шиллеров Карл Мор на злых филистеров, он любит, и его любят, он вовсе не разочарован, а только горд и сумрачен, -- ему дороги и его власть, и красота немолчно шумящего моря, и те минуты, когда он «прогуливается, как монарх, по покрытой народом палубе» своего корабля. Ренегат Алп, в «Осаде Коринфа», равным образом не подходит к идеалу псевдобайронических поэтов, и он полон энергии, и он упивается властью, сильный в зле и первенствующий между первыми. Для людей, которые, может быть, спросят, почему у Байрона все $n \omega \partial u$ власти оказываются или пиратами, или убийцами, или ренегатами, как будто бы власть могла сказываться лишь обилием преступлений, мы можем указать на «Разбойников» Шиллера, еще более причудливых по частностям, потому что и в прошлом столетии нельзя было вообразить себе без смеха войско его великодущных разбойников между двумя немецкими городами, в дремучем лесу, каких не водится в Германии со времен Арминия. Разбирая юношеские творения великих поэтов, всегда почти наткнешься на какую-нибудь несообразность подробностей, только надо стараться, чтоб, заглядевшись на несообразность эту, не проглядеть духа под ней скрытого. Соображение это мы еще припомним в скором времени, по поводу лермонтовского «Героя нашего времени».

Долго было бы перебирать все творения Байрона в доказательство того, что не поэзия разочарования, — а поэзия власти выказывается нам в большей части его зрелых творений. Эту поэзию видим мы в «Манфреде», бесстрашно вызывающем духов и падающем только перед тенью обожаемой женщины, в «Каине», где падший дух вступает в борьбу с самим божеством, в «Паризине», где юноша перед позорной плахой гордо высказывает правду в глаза отцу и тирану. В «Дон Жуане», где красота и молодость героя приковывают к нему женщин, отдающихся ему во власть и безропотно принимающих гибель за часы страсти, в «Сарданапале», где молодой властитель, герой в душе, не хочет вести своих народов на бесплодные войны и считает презренной резней то, что отцы его звали военной славою. Если в остроумно созданном характере Сарданапала слышится поэтичный протест против воинственных предрассудков, - то всетаки надо прибавить, что сам Байрон не был чужд этим предрассудкам, так дорогим для всякого властолюбивого духа. В «Сарданапале» поэту улыбалась идея власти кроткой, так сказать, эпикурейской, но во всем, что писал тот же Байрон о Наполеоне и по поводу Наполеона, сказывается сочувствие к власти грозной, карающей, к кровожадной власти льва, которая все-таки лучше, чем «прихоть нескольких волков, пред которыми

склоняется Европа». Даже обыкновенная строевая и чуть-чуть не фронтовая сторона военной власти улыбается Байрону: тоскующий и разочарованный Чайльд-Гарольд, остающийся на ватерлооском поле, в восхитительных строфах описывает ночное выступление из Брюсселя, шотландские батальоны, бегущие на тревогу «под резко и дико раздающиеся в ночном воздухе возбуждающие душу звуки камеронова сбора», артиллерию, со стуком скачущую по дороге, и мрачную фигуру герцога Брауншвейгского, первым услышавшего сигнальный выстрел и ставшего одною из первых жертв кровавого боя... Таких картин найдете вы у Байрона довольно,и всякая из них покажет с достаточной ясностью, куда и в какую сторону клонились симпатии той музы, которую нам так часто представляли бесстрастною, презрительною ко всему свету, чуждою интересам обыкновенной жизни.

Властолюбие, страсть к первенству между людьми и жажда энергической деятельности часто вовлекали лорда Байрона в странные причуды, которые (естественное дело) именно и приходились по плечу его обожателям и подражателям. Немногие из жрецов байронизма дивились в своем идоле тому суровому духу политического властолюбия, который послал его на защиту угнетенной Греции. Немногие видели в нем человека, каждый день готового умереть за освобождение Италии. Но человеку счастливому на женщин, отличному стрелку, до ребячества хвастливому наезднику и чудаку, переплывшему морской пролив для того, чтоб получить лихорадку, Европа дивилась и рукоплескала. Байрон это хорошо видел и, правду сказать, вел себя совершенно, как мальчик, не из пренебрежения к публике, не из желания смеяться над нею, а с полным чистосердечием обыкновенного льва гостиных. Еще в превосходстве его как стрелка, ездока и пловца было что-нибудь разумное, — но решительно ничего разумного не видим мы в необыкновенного вида галстухах, в сумрачных взглядах, в кокетливо-дерзком обращении с гостьми, в насмешливых разговорах про то, что для влюбчивого и нежного сердцем Байрона было дороже самой жизни. И сам поэт, и все направление, которым поэзия была ему обязана, чрезвычайно много пострадали от всей этой изнанки, которая, как уже было сказано, людям дюжинным показалась именно лицевою стороною. Мало того, что карикатурные частности байронизма предубедили против него большую массу положительной публики, но с наступлением реакции и минованием моды эти частности стали между ценителем и Байроном, обезобразив поэта так, как какой-нибудь причудливо-старомодный костюм безобразит собой фамильные портреты наших прабабушек.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Анализ Дружининым творческой эволюции Лермонтова устарел, так как построен на неверных датировках, принятых в издании Дудышкина. В частности, «Кинжал» был написан не в 1841 г., а в 1838 г.

² Судьба «дороховского» альбома Лермонтова, так же как и альбома самого

Дорохова с рисунками и шуточными стихами поэта, неизвестна.

3 Не известный до сих пор факт из биографии Лермонтова о предполагавшейся его дуэли с Дороховым проливает свет на одно из французских писем, приписываемых поэту (см. В. Мануйлов. Утраченные письма Лермонтова.— «Лит. наследство»,

т. 45-46, 1948, стр. 51—52).

В этом письме корреспондент рассказывает о своем вызове на дуэль офицера, который был старше его на десять лет, составил себе репутацию участием в двадцати поединках и битвах и отличался горячностью. Можно думать, что отрывок, скопированный неизвестной рукой и вклеенный вместе с несколькими другими подобными приписываемыми поэту отрывками в тетрадь с ранними стихотво-рениями Лермонтова, представляет собой выписку из письма Лермонтова к неиз-вестному лицу, в котором описывается ссора его с Дороховым. На обороте листка, где записан этот отрывок, переписано французское четверостишие, рисующее образ рыцаря-воина, соответствующий романтическому облику Дорохова:

La guerre est ma patrie, Mon harnais — ma maison. Et en toute saison Combattre c'est ma vie.

⟨Перевод:

Моя родина — война, И латы — вот мой дом, И всюду и всегда Сражаться — жизнь моя .

В 1860 г. ранние произведения Лермонтова были опубликованы только в небольшой своей части. Поэтому суждение Дружинина об его юношеских стихотворениях

устарело.

⁶ Также неверно понят Дружининым период пребывания Лермонтова в юнкерском училище. Надо иметь в виду, что в 1860 г. не была еще обнаружена рукопись «Вадима», над которой Лермонтов работал в 1832—1834 гг.

⁶ Имеется в виду книга: Trellawney. Recolections of the last days of Lord